

Георгий Григорьянц

ТАЛІСМАН ИМПЕРИИ

Георгий Григорьянц Талисман Империи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42758916

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-09988-3

Аннотация

Император Октавиан Август скрывает правду от сената и народа Рима, убежденных что их безопасность и счастье находятся под защитой магической статуи-оберега палладиума. На самом деле в храме Весты хранится обгоревшая копия реликвии, подлинником же владеет Армения. Чтобы заставить непокорное государство уступить талисман, император проводит секретную операцию. В Армению засылаются шпионы, вербуются предатели, плетутся заговоры, ликвидируются неудобные. Удастся ли поставить на колени упрямый народ? Рискуя жизнью, армянский царь Тигран IV и царица Эрато пытаются спасти священную реликвию.

Содержание

Глава 1. Туареги – сыны бога	4
Глава 2. Добрый римский принцепс	15
Глава 3. Могущественный талисман	25
Глава 4. Как возродить величие Рима	40
Глава 6. Гампр – страж тайника	72
Глава 7. Армянская головоломка	82
Глава 8. Тайны тьмы на Лесбосе	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Георгий Григорьянц

Талисман Империи

Глава 1. Туареги – сыны бога

По Риму разнесся слух, что император Октавиан Август находится при смерти. Врачи предвещали неутешительный прогноз, и только один врач, практикующий среди богатых аристократов, Антоний Муса, сорокалетний искусный ученый-фармаколог, широко применявший лекарственные травы для излечения больных, предложил единственное средство поднять императора на ноги – лазер. Ему не верили, считая, что дни Августа сочтены, и развернули дискуссию о преемнике. Лазером называли чудесную траву, способную исцелить от многих болезней. В разных странах вроде бы находили подобные растения, получившие название сильфий, но настоящий дикий лазер встречался только в районе города Кирена, что в Киренаике (область в современной Ливии, Северная Африка).

– Он на краю смерти! – потрясенно прошептал стоявший у изголовья Октавиана впечатлительный Меценат, близкий друг императора, обладавший талантом легко решать любые проблемы. – Но его историческая миссия не завершена!

– Мы должны спасти его! – тревожно воскликнул Агрипп-

па, один из немногочисленных друзей императора и его ближайший соратник с грубоватыми чертами лица. Он доверительно обратился к лекарю: – Муса, ты единственный, кто еще верит в спасение Августа. Говори что делать!

– Трава лазер... лишь она поможет. – Муса, серьезный и умный человек, с тревогой на лице, сделав порывистое движение к больному, вскричал: – Времени мало! Ему поможет либо лазер, либо чудо!

– Лазера в Риме нет, – обреченно произнес Меценат, подняв блуждающий взгляд на Агриппу. – Еще Юлий Цезарь все запасы, что были, использовал на ведение войн. Августу поможет только чудо.

Лазер – единственная дань, которую жители Киренаики платили римлянам, но трава из-за хищнической заготовки почти исчезла. В Риме эпидемии бывали часто. Вокруг города простирались болота, кишашие мошкой и москитами (малярия – обычное дело), блохи и грызуны переносили заразу – чуму, и лазер был тем ценным средством, которое реально могло излечить, в противном случае надежды возлагались лишь на богов и чудо.

Император пошевелился, медленно приоткрыл глаза и, оценивающе взглянув на друзей, негромко сказал:

– Мои враги рано радуются, ведь я могу и поправиться.

– Август, ты шутишь, значит, не безнадежен! – Меценат от радости просиял.

Позвали сенаторов и родню. Главы сенатских партий, же-

лая услышать кто же преемник, с благоговением прислушивались к каждому слову императора. Тот, понимая, чего от него хотят, снял с пальца перстень-печать и молча протянул Агриппе.

– Я? – Агриппа озадаченно посмотрел на сенаторов, те почтительно склонили головы. Нерешительно взяв перстень, он вскричал: – Нет, правит Август, его земной путь еще не завершен! Я отправлюсь в Киренаику, и чего бы то ни стоило добуду траву!

В светлых и блестящих глазах Августа почудилась некая божественная сила:

– Хочешь познать друга, переживи с ним радость, горечь и несчастье... – Забрав перстень обратно, он добавил: – А пока лекарь Муса будет поддерживать во мне жизнь холодными компрессами.

Шел 730 год с момента основания Рима, или 23 год до нашей эры.

Конвой (римский отряд из трех когорт опытных ветеранов, своего рода спецназ), возглавляемый Агриппой, сопровождал обоз с травой лазер при возвращении из Африки в Италию. Киренаика окружена пустыней с трех сторон, связь с миром лежала через север, где на берегу Средиземного моря стоял город-порт Аполлония (современный город Шахат, Ливия). Радостный Агриппа планировал уже сегодня, совершив дневной переход, погрузиться на корабли и убыть

в Рим, к императору. Операция по изъятию остатков лазера у населения города Кирены прошла успешно: трава была так ценна, что обыватели хранили ее в своих сундуках вместе с золотыми и серебряными монетами.

Киренаику когда-то захватил Александр Македонский, потом в ней хозяйничала правившая в Египте династия греческих Птолемеев, но последний киренайский царь Апион, умирая, вдруг завещал страну Римской республике, а та превратила бывшие владения Апиона в свою провинцию. Непокойную провинцию. Постоянные берберские восстания и набеги превратили некогда процветающее царство в богом забытое место.

Путь лежал по возвышенной части плато, поросшему кустарником. Легат Lolлий, следующий в группе военачальников, невесело заметил:

– Полынь, пожухшая трава – вот она, мрачность пустынного мира...

Колонна пехоты и всадников, охранявшая запряженные волами повозки с бесценными сундуками и мешками, набитыми золотом и травой, двигалась в степной полупустыни.

Командующий воскликнул:

– Полпути пройдено, скоро порт! Я всегда добиваюсь успеха, потому что желание императора – закон.

Агриппа, служака, человек огромной силы воли, посвятивший жизнь служению Октавиану, понимал, что все военные успехи Августа достигнуты благодаря его таланту, но

был скромнен, и за друга готов был положить жизнь.

Тигрис внимательно посмотрел на командира:

– Опасное место. Без риска вступать на территорию туарегов – то же самое, что войти в клетку со львом. Лучший способ устранить угрозу – прибегнуть к уловке.

Тигрис (тигр – *лат.*) – так на латинский манер в Риме прозвали Тиграна Армянского, сорокапятилетнего сына казненного Антонием царя Великой Армении Артавазда II. Старший брат Тигриса бесстрашный Арташес теперь правил Арменией, а младший (Тигрис) уже более десяти лет жил с семьей в Риме, сначала как заложник, а потом, проявив незаурядный военный талант, получил благодаря Агриппе должность начальника вспомогательной конницы. В поход на Кирену его взяли с небольшим отрядом легкой кавалерии армян, обученных сражаться в условиях гористой и пустынной местности.

Агриппа, осознав серьезность угрозы, приказал:

– Тигрис с отрядом в подвижную засаду!

Голова колонны входила в ущелье небольших гор, их склоны поросли лесом. Нападение произошло неожиданно. В римских солдат полетели стрелы и камни. Туареги, лучшие в мире воины пустыни, на верблюдах, с мечами и гортанным криком внезапно возникли из ниоткуда и атаковали легионеров. Их было не менее тысячи. Грабить конвои и караваны – главное занятие туарегов на протяжении сотен лет.

Сахарские боевые барабаны возвестили «синим лю-

дям» (бесстрашным мужчинам-туарегам), диким и жестоким, отменным наездникам и стрелкам из лука, что пришло время борьбы с римской экспансией. Они, умеющие внушить страх своей яростью, с крашеными в цвет индиго закрывающими лица головными уборами, на белых быstroходных верблюдах предприняли стремительную вылазку, плотно окружая отряд Агриппы. Начался бой.

В Европе все племена кочевников Сахары называли берберами (варвары), но самым необычным из них было племя туарегов. Согласно легенде, оно когда-то обитало на райском острове в Атлантическом океане, но тот однажды погрузился в океан. Сыны бога – светлокожие, высокие ростом, с голубыми глазами и в синих одеяниях – спаслись и, доплыв на лодках до побережья Африки, обосновались в оазисах пустыни. В Киренаике появилось воинственное племя, где доминировал матриархат, но даже мальчики племени были солдатами: носили обоюдоострый меч и платок на лице.

В римлян стреляли со всех сторон. Раздался низкий грубый звук трубы – сигнал «К бою», и легионеры, закрывшись щитами и выставив вперед копья, приступили отражать атаку. Заняв круговую оборону и защищая обоз, они обрушивали на нападавших залпы стрел и метали пилумы (метательное копье), сохраняя в окружении сплоченность когорты. Вождь туарегов невдалеке, сидя верхом на верблюде, что-то кричал и подавал знаки, и его воины перестраивались на ходу, готовясь к тарану верблюдами сомкнутого строя рим-

лян. В наивном неведении обитатели пустыни не понимали, что когорта – это нечто большее, чем подразделение солдат. Когорта – военный механизм легиона, сокрушающий любого врага, а обученные легионеры являются бойцами, готовыми, издав боевой клич, ринуться на противника и колоть-рубить его мечами.

В момент, когда клин верблюдов пробил оборону римлян, обрушившись на центр, где были офицеры (туареги стремились пленить носившего пурпурный плащ римского полководца Агриппу), из засады выскочила конница Тигриса. Командующий, обнажив меч, приготовился вступить в бой, но зашедшие в тыл противника армянские всадники заставили туарегов рассеяться. Взгляды Агриппы и Тигриса встретились и, получив молчаливое одобрение, последний на полном ходу помчался к вождю-туарегу и врезался в его верблюда. Верблюд с наездником рухнул, а Тигрис, соскочив с лошади, сошелся с ним в схватке на мечах. Армянские всадники, бросившись на помощь командиру, не подпускали кочевников к месту поединка.

Туарега инстинктивно тянет к войне, он знает, как заменить усилия на способности. Неожиданно появились четыре повозки с клетками. Злые и голодные львы, свирепые и гордые, с лохматой гривой и обезумевшими глазами, огрызались, рычали и царапали деревянные прутья клетки. Погонщики открыли дверцы и горящими факелами стали гнать диких животных в сторону отряда Агриппы. Теперь иници-

атива была явно на стороне кочевников. Разъяренные запахом крови львы ринулись на добычу – римских солдат, впились в них зубами и когтями, раздирая на куски.

Ослабив внимание к обозу, римляне сосредоточились на львах – отбить свирепую атаку, спасти товарищей, а туареги, погоняя верблюдов и вздымая облака пыли, бросились грабить обоз, на ходу стаскивая с повозок мешки с лазером и сундуки с золотом. Все добро обоза растворилось в песках, кочевники ускакали, и только поединок Тигрису и вождя продолжался. Выполнив обманный прием, Тигрис наконец выбил меч из руки «синего человека» и приставил клинок к его лицу. Соппротивление бесполезно: вождь поднял руки.

Когда пыль осела, взору предстала безрадостная картина. Поле, усеянное человеческой плотью и окровавленными трупами львов, верблюдов и лошадей, ранеными legionерами в доспехах и кочевниками в синих балахонах, представляло собой ужасное зрелище. Такое могло присниться только в кошмаре. Переживший потрясение Агриппа медленно вложил меч в ножны и направился к плененному вождю. Связанный туарег стоял на коленях и гордо смотрел в глаза римлянина. Берберы, и в частности туареги, храбрые и бесстрашные воины, слепо ненавидели римлян, считая их вероломными и коварными. У Ганнибала из Карфагена в жилах текла берберская кровь, и он стал величайшим полководцем мира и заклятым врагом Рима.

Агриппа тяжелым взглядом смотрел на вождя:

– Как тебя зовут?

Туарег молчал.

Командующий приказал:

– Снимите покрывало с его лица!

– Проконсул, не советую! – внезапно вмешался Тигрис. –

По их обычаю, того, кто открыл лицо, воин должен убить либо... умереть сам!

– Меня зовут Тарик, – спокойно на латинском произнес туарег. Сдерживая лютую злобу, кочевник отвечал достаточно учтиво.

Агриппа вскричал:

– Тарик, я приду сюда с большим войском и уничтожу твой народ!

Вождь скривил ухмылку:

– За всю историю мой народ не проиграл ни одного боя.

Сахара принадлежит нам, мы хозяева этих земель.

– Киренаика принадлежит Риму! Верни лазер!

– Смири свою гордость. Трава лазер твоему императору не нужна.

Агриппа насторожился. Вождь выглядел настолько уверенным, что полководец, подумав о худшем, вдруг осознал две вещи: перед ним вольный человек, не признающий ничьей власти, и проявилась очевидная неспособность Рима управлять пустыней и ее обитателями.

Тигрис, обращаясь к вождю, примирительно произнес:

– Вы забрали товар по праву сильного в пустыне. Мы уважаем сильных. – Указав на одного из своих всадников, он добавил: – Тарик, это – мой друг Бакр, бербер, он знает здесь все торговые пути, ведущие к морским портам. Я перекрою вам доступ к морю, а когда пойдете на нас войной, армянская ударная кавалерия из катафрактариев, приученная к запаху верблюдов, легко перебьет вас. Давай договариваться.

Кочевник молчал. Тигрис снял с пояса кожаный мешочек:

– Здесь серьги, браслеты и подвески для Феретимы. Она мать твоего рода, самая почитаемая женщина племени, не так ли? А еще здесь киренайские монеты из серебра для тебя. Серебро вы цените выше золота. Верни хотя бы либру лазера!

Либра – древнеримская мера веса, равная 327,45 грамма.

Глаза туарега сверкнули:

– Кто ездит на верблюде, не боится собак! Пусть сначала армяне отдадут Риму палладиум, потом мы вернем лазер.

Он умолк и покосился на Агриппу. Тот, не понимая, о чем речь, раздосадованный, отошел в сторону и кивком головы подозвал Тигриса.

– О чем это он?

– Страх смерти в его глазах нет. Он, несомненно, безумен. Проконсул, если император еще жив, мы попытаемся спасти его. Моя дочь носит амулет с каплей крови богини. Амулет творит чудеса.

Агриппа горестно вздохнул:

– Верить в чудо, происходящее по желанию, – удел наивных.

Глава 2. Добрый римский принцепс

Все дороги ведут в Рим. Самый большой город Древнего мира – это триумфальные арки, монументальные памятники, великолепные храмы и многоэтажные дома. Чужестранцы должны захлебываться от восторга при виде столицы империи, верить в блистательные победы, успешные завоевания, величие духа и безграничное могущество Рима.

На Целийском холме селились чужеземцы, которых граждане рассматривали, в принципе, как врагов. Постепенно из плебейского Целий, один из семи легендарных римских холмов, превращался в район проживания знати. Иностранцы (их называли пегринами, но чаще варварами) могли жить в Риме по праву гостеприимства, но лишь под покровительством патрона-римлянина. Покровителем Тигриса был Агриппа.

Дом Тигриса (за семьей признавалось право жить по армянским обычаям) как раз был в районе Целий и содержался на деньги Арташеса, царя Великой Армении, брата Тигриса. Отца братьев царя Артавазда II и его семью десять лет назад консул Антоний хитростью заманил на пир, где заковал в кандалы. За отказ выдать секреты, казну и магические вещи он казнил царя, а вот семью уничтожить не успел: проиграл в борьбе за власть Октавиану и закололся мечом. Теперь в большом доме на Целийском холме проживали, кроме му-

жа с женой, их дети и племянники, получившие в Риме образование за государственный счет. Всех чужеземцев здесь именовали на латинский манер или давали прозвища за какие-нибудь черты характера или детали внешности.

Торос с жаром говорил:

– Нас в Риме называют гостями, но, по сути, мы заложники.

Армянское имя Торос означает «энергия», он сын Тигриса, юноша двадцати пяти лет, войдет в историю как царь Тигран IV.

Эрато вторила брату:

– Нас, знатных армян, уважают только потому, что мы богаты, но римская религия не признает за нами основные права и свободы.

Дочь Тигриса была названа в честь одной из девяти греческой муз: Эрато – богиня любовных песен. Девушке двадцать три, история уготовила ей в будущем стать царицей Армении.

Беспринципный Арат парировал:

– Сестра, но таковы древние законы римлян. Смирись!

Арат – греческое имя, означающее «не красавец»; ему двадцать шесть, он сын царя Арташеса, в будущем возьмет династическое имя Артавазд III.

Вступил в разговор Тигран Молодой по прозвищу Руфус, что значит рыжеволосый, двадцати лет, тоже сын царя Арташеса:

– Арат, в этом городе к рабу относятся лучше, чем к чужеземцу.

Дети Тигриса и царя Армении спорили, горячились, отстаивая каждый свое мнение.

– Мания величия и религиозный фанатизм – вот что присуще местным жителям, – высказался Торос.

– Все просто: боги Рима не любят нас, потому что мы в них не верим. – Арат, убежденный приверженец римских взглядов, полемизировал с братьями и сестрой.

– У нас своя вера, она непоколебима! – Эрато стойко отстаивала свою позицию.

– Хочу на родину! Быть заложником ожиданий – значит позволить себя одурачить, – прямой и честный Руфус не оставлял недругам ни единого шанса.

Послышался шум марширующей колонны солдат. В воздухе повисло растущее напряжение. Армяне, прекратив споры, обратили взоры к входу. У домуса (так в Риме называли особняк без окон, собравший под одной крышей множество помещений) в сопровождении вооруженной охраны остановились легат Лоллий и Тигрис. Они шумно вошли внутрь атриума, прошли мимо прудика для сбора дождевой воды с фонтанчиком и подошли к настороженным молодым людям.

– Поход в Киренаику закончился неудачей, – безучастно сказал Тигрис. – Эрато, мне нужен твой амулет.

– Что? – всполошилась девушка, инстинктивно прикрыв рукой сокровище, висевшее на груди.

Вид Тигриса был суров. Он продолжил:

– Император умирает, но кровь Иисиды может спасти его.

Амулет особой силы под названием Тиет, или «Узел Иисиды», или бант божества, имеющий три петли, почитался как могущественный защитный оберег. Он был сделан из прозрачного стекла, но капля крови внутри делала его необычайно ярким, обжигаяще красным и притягательным. Амулет придавал владельцу магическую силу: отвращал зло, ему грозящее, дарил благосклонность жизни.

Эрато, испуганно отстранившись, перешла на армянский:

– Отец, этот амулет – реликвия армянского народа. Наш великий предок царь Тигран II получил его в награду за спасение рода человеческого. Тот, кто носит его – страж благополучия и неодолимости жизни.

Тигрис произнес по-латински:

– Дочь, в кои-то веки внимание императора и его окружения обратилось к нам. Если амулет поможет и он выздоровеет, мы получим возможность вернуться на родину.

В разговор вмешался легат Лоллий. Он заносчиво произнес:

– Красавица, у твоего отца повысятся шансы стать царем.

Эрато, яркая, молодая черноволосая армянка со сверкающими карими глазами, задыхалась от гнева:

– Отец, ты хочешь выторговать себе трон за счет благополучия семьи и интересов нации?

– Женщина, – с угрозой в голосе сказал Лоллий, – всех,

кто идет против воли императора, ждет смерть, – его рука легла на рукоять меча.

Вмешался обозленный Арат:

– Да отдай же ты этот клятый амулет!

– Нет! – Эрато сделала шаг назад.

Арат подскочил к ней и, ударив по лицу, сдернул с шеи шнурок с амулетом. Эрато, не удержавшись на ногах, упала на каменной пол, подняв руки в мольбе. Офицеры, безмолвно наблюдавшие за этой сценой, получив желаемое, стремительно развернулись и вышли из домуса.

В покои Августа вошли Агриппа, Мecenат и жена императора Ливия. У ложа стоял лекарь Муса. Август приоткрыл глаза и обратил взор к вошедшим:

– Мой час настал, близится развязка...

Его немигающий взгляд упал на Агриппу. Тот в нерешительности произнес:

– Август, лазера нет. Племя туарегов вырвало его из моих рук когтями львов.

– Вот как! – Октавиан поднял бровь. – Кровопролитие и неудачи там, где гордость и отвага не могут прийти к согласию...

– Август, но я принес это, – и Агриппа протянул амулет Исиды. – Внутри стеклянного флакона кровь богини.

Муса осторожно взял амулет и, подняв его к свету лампы, чтобы в полумраке комнаты лучше рассмотреть, торже-

ственно произнес:

– Несомненно, это пятая сущность, квинтэссенция эликсира жизни. С помощью крови богини можно не только исцелить человека, но и омолодить его.

Муса и многие ученые верили в пятую сущность. По легенде, был посланник богов на землю (греки его называли ангелом). Он дал египетской жрице каплю крови богини в награду за любовную связь с ним. Так возник великий эликсир жизни, имеющий в своем составе соль, серу, ртуть, плоды шиповника и кровь богини.

Все присутствующие при этой сцене с благоговением смотрели на стеклянный флакон, и, казалось, амулет светится неземным светом. Муса бережно передал его императору. Август приблизил флакон с сущностью к лицу, долго смотрел, затем, скосив глаза на Агриппу, сказал:

– Мне лучше. – Он грузно и неторопливо поднялся с кровати и предстал перед подданными в длинной шерстяной тунике с короткими рукавами, тщательно выбритый и энергичный. – Амулет волшебный, я здоров.

– О, Август! – взволнованно воскликнул Меценат. – Это чудо! Боги любят тебя. Ниспослано просветление, ты победил телесное...

– Божественный Август, твое тело стремится достичь совершенства... – Агриппа был поражен.

Жена Августа Ливия, властная и самоуверенная, с горделиво приподнятым подбородком, иронично прокомменти-

ровала:

– Чудеса случаются с теми, кто меньше всего в них верит.

Август обвел взглядом соратников, укоризненно посмотрел на жену, кивнул лекарю, чтобы вышел, и когда Муса покинул спальню, изрек:

– Да, я не был болен. Все это время думал о благе Рима, его могуществе и влиянии. Что может быть важнее? Хочу, чтобы народ благоденствовал, забыл беды гражданской войны, поверил в мое обожествление. Власть бессильна, если не опирается на доверие народа. Но как заставить всех верить мне, убедить, что империя всесильна?!

Потеряв дар речи, Меценат и Агриппа в растерянных чувствах стояли, разинув рты. Август, снова взглянув на амулет, спросил Агриппу:

– Откуда эта вещь?

– В походе конницей командовал Тигрис, сын убитого Антонием армянского царя. Дал он.

– Если и есть на свете место, где происходят чудеса, то это Армения. – Октавиан степенно прошелся по залу и проницательно посмотрел на присутствующих: – Нужно событие, из ряда вон выходящее, которое возвеличит меня до уровня Юлия Цезаря, а может быть, и бога. Я не завоеватель, как мой приемный отец Цезарь или великий Помпей. Боги не наделили меня даром полководца, но я хочу расширить империю, заставить склониться перед Римом весь обитаемый мир. Без войны! Мир и согласие предпочитаю войне и крово-

пролитию. Народы получают справедливость, как мы это понимаем.

Преисполненный решимости вселить уверенность в своих соратников и со страстным желанием властвовать, он, подавляя гипнотическим взглядом их инстинктивное сопротивление, добавил:

– Вы, друзья и жена, должны помочь мне внушить народу идею вечного мира. Я хочу взобраться на сияющую вершину совершенства, чтобы мне, абсолютно несвободному человеку, открылось, как войти в историю мудрым и великим.

Возвеличение императора теперь стало заботой приближенных. Они задумались, но ничего путного на ум не приходило.

– Император, – неуверенно начал Агриппа, пытаясь угадать желание друга, – тебя возвысит лишь расширение границ римского государства. Без войны территории на Рейне, Дунае, в Испании не завоевать...

Август, слишком осторожный, чтобы пускаться на такие авантюры, когда армия не готова, а казна пуста, жестом прервал его:

– Впредь не называйте меня императором или консулом, не хочу даже быть господином. Вполне достаточно именоваться так: принцепс.

Он уже десять лет единолично правил в Риме, избегая упоминание об открытой монархии и маскируя диктатуру под республику. Принцепс – первенствующий в сенате, рав-

ный среди равных, ему всего лишь первому предоставляется слово на заседаниях; он, как и каждый сенатор, работает над укреплением римского могущества.

Меценат воскликнул:

– Принцепс, есть идея! Нужно окрылить поэтов, чтобы они воспылали желанием славить тебя в стихах и одах... Нет, мы пойдем еще дальше... Возродим крупные жанры: трагедию и эпос!

Ливия, более практичная, чем все остальные, зная все уловки мужа, контролируя его врачей и слуг, как главный советник предложила:

– Тебе, Август, следует возвести новый храм или алтарь, и изобразить на нем Италию в виде кормящей матери, окруженной всевозможной растительностью и пасущимися животными. Дай повод народу говорить о твоём величии и милосердии, о возрождении и благоденствии нации.

– Хорошая идея. – Август подошел к жене и, нежно поцеловав, удовлетворенно заглянул ей в глаза: – Ты проницательна, как всегда. Пусть скульптор изобразит покоренные народы, трепещущие перед величием возрожденного Рима. – Он обвел взглядом друзей. – Но этого мало! Подобно Гесиоду я возвещаю: «Истинно велик тот человек, который сумел овладеть своим временем».

Предание говорило, что однажды греческий поэт Гесиод, участвуя в стихотворном состязании с самим Гомером, был назван победителем. Ему отдали предпочтение лишь пото-

му, что он повествовал о земледелии и мире, а не о войнах и побоищах, как Гомер. Август, ощущавший непрочность своего режима, хотел внушить народу Италии, уставшему от хаоса, проскрипций и войн, что он тот, кто несет приумножение территории, рост численности населения, подъем мощи империи, военные победы и политическое влияние. Весь мир будет вечно платить Риму дань, присылая зерно, вино, масло, лошадей и рабов. Но как поднять патриотический дух римлян, которые все еще не верят в надежность его нескончаемой и абсолютной власти?

– Идите, друзья, поразмышляйте, мне надо посоветоваться с богами.

Все вышли, задержался Агриппа:

– Принцепс, я взял в плен вождя туарегов. Он произнес странную фразу: «Пусть сначала армяне отдадут Риму палладиум, потом мы вернем лазер».

– Что?! – Август изменился в лице, брови сдвинулись к переносице, веки напряглись, взгляд стал тяжелым, но, быстро овладев собой, сказал: – Ну ладно, иди...

Глава 3. Могущественный талисман

Храм Весты – сооружение круглой формы из белого мрамора с колоннами в коринфском стиле – высился на форуме. Веста, богиня-покровительница домашнего очага, самая уважаемая из богинь, поклялась сохранять девственность, и верховный бог Юпитер повелел почитать ее повсеместно, принося ей дары в первую очередь. В святилище храма горел священный огонь – символ вечности Рима, а под каменным полом был устроен тайник, сокровенное место, в котором хранилась самая важная римская реликвия палладиум. Считалось, что пока эта небольшая деревянная статуя в Риме, город неприступен, не может пасть или быть завоеван варварами.

Дверь открылась, и в святилище вошел, оставив за порогом ликторов, император Август. Консулы и императоры, в отличие от простых граждан, могли входить внутрь любого храма и, принося богатые жертвы, узнавать грядущее. Одетые во все белое шесть жриц-весталок, постоянно поддерживающих огонь в этом святилище и совершавших ритуалы, низко поклонились.

– Что хочет узнать император? – осторожно задала вопрос главная жрица великая весталка Клавдия.

Император бросил на нее тяжелый взгляд:

– Впредь называй меня принцепс... Я желаю знать, надежно ли защищен Рим от нашествий варваров?

Клавдию передернуло, но, справившись с волнением, она сказала:

– Ты получишь ответ богини – небесной покровительницы Рима.

Одна из весталок протянула Августу вино в черном глиняном сосуде с узким горлом и ручкой, другая – красный сосуд с маслом.

– Принеси жертву священному огню, и ты получишь откровение.

Жертвоприношение огню – это возлияние вина и масла. Император стал лить вино в огонь. Пламя полыхнуло ярче. Затем он плеснул масло, и огонь ослепительно вспыхнул, сноп искр, взметнувшись высоко вверх и озарив святилище, вылетел в отверстие на потолке.

– Божественное слияние! – восторженно воскликнула одна из молоденьких жриц. – Богиня благоволит тебе!

Клавдия с упреком посмотрела на нее, но, увидев скептическое лицо Августа, опустила глаза. Ни одна искра не коснулась тоги правителя. Разочарованный Август произнес:

– Мы с великой жрицей помолимся доброй богине. Идите, милые.

Пять весталок ушли, а император, пройдясь вокруг очага, в упор посмотрел на главную жрицу.

– Сегодня у меня день глубокого уныния. Хочу спросить тебя о священной реликвии палладиум.

– Ты же знаешь, Август, статуя сильно обгорела во время последнего пожара, и мне все труднее скрывать этот факт от жителей Рима.

– А у народа Рима не возникли подозрения в твоём распутстве?

Нарушившую обет девственности весталку хоронили живо. Клавдия опять внутренне содрогнулась. Август не первый раз шантажировал ее, но скрывать от жреческих коллегий и сената, что палладиум (с ним связывались представления об удаче и безопасности города) практически утрачен, было выше ее сил. К тому же реликвия была ненастоящей.

Жрица гневно произнесла:

– Мы квиты, Август. Ты заставил меня нарушить закон и получил Рим. Теперь я хочу дослужить последние два года и стать «невестой».

В борьбе за власть Октавиан Август, чтобы окончательно уничтожить Антония, вынудил Клавдию вскрыть хранившееся в храме Весты завещание, в котором Антоний все свое имущество и государственные земли отписывал египетской царице Клеопатре и ее детям, причем легализовывал в римской правовой системе статус Цезариона, сына Юлия Цезаря от Клеопатры, что особенно подрывало легитимность Августа. Содержание документа было немедленно оглашено публично. Сенат Рима вознегодовал: Клеопатре и Антонию бы-

ла объявлена война.

— Ты не так уж чиста и целомудренна, чтобы получить право на замужество. — На лице Августа сквозило презрение. — Запомни, никто не должен знать, что в храме хранится ненастоящий палладиум. Пока я не найду подлинную статую, защищать государство будет Юпитер, мой покровитель.

Он ушел, а на глаза Клавдии навернулись слезы.

Палладиум, самый известный в Древнем мире талисман, приносил удачу и оберегал от вторжения врагов. Палладиумом называли резную статую богини Афины Паллады со щитом и копьем. От нее зависела судьба города, в котором она хранилась. Небольшая фигура, сделанная из дерева, упала с неба к ногам Ила, основателя Трои. Сам Зевс сбросил ее с Олимпа, услышав его молитвы. Любимчик бога смог удостоверить в покровительстве отца богов и людей, и чтобы никто не мог отличить подлинник и похитить его, Ил изготовил еще три копии, поместив все изваяния в разные тайники. Подлинная статуя, когда произносилось нужное заклинание, вращала глазами. Трою нельзя было взять штурмом, пока в ее стенах хранился священный талисман. Однажды ночью, «когда застонала земля под стопами народов» (шла Троянская война, и город был осажден войсками многих государств), Троя пала, но не в результате штурма, а коварства и хитрости. Горожане сами открыли ворота и затащили в город троянского коня... Талисман, естественно, не помог, а

потом и вовсе исчез.

Легенды сообщают три версии похищения палладиума.

Версия первая. Эней, сражавшийся на стороне троянцев, при взятии Трои и разграблении ее греками покинул город с женой и детьми, неся на плечах старого отца и палладиум. Скитаясь, он оказался в Италии. Его сын Ромул основал Рим. Обороноспособность города полностью зависела от палладиума. Галлы под предводительством Бренна сумели захватить, разграбить и разрушить Рим. Палладиум, несомненно, фальшивый, сгорел в огне пожара.

Другая версия. Одиссей и Диомед, сражавшиеся на стороне греков против троянцев, во время ночной вылазки проникли в город и украли одну из статуй (Елена Прекрасная указала им тайник в храме) и увезли ее в Афины. Но защитники Трои, пока греки не вышли из чрева троянского коня, успешно отражали нападение противника. Судьба греческого «талисмана» (из-за него у греков шли нескончаемые распри) сложилась печально. Однажды вся Эллада стала зависимой от Римской республики. Видимо, палладиум был фальшивым, потому что римляне легко овладели воинственным полисом Спарта, где он хранился. Забрав статую, римляне разрешили Спарте самоуправляться (в память о былой славе), а талисман увезли и поместили в тайник храма под сохранность богини Весты. При очередном пожаре в храме статуя сгорела. Несомненно, и этот палладиум был также ненастоящим.

Третья версия. Армянский царь Зармайр (имя означает «знатный мужчина») прибыл со своим войском на помощь троянскому царю Приаму. Союз племен Урарту, возникший на Армянском нагорье для защиты от грабительских набегов ассирийцев, принял решение прийти на помощь соседу – осажденной Трое, направив войско во главе с Зармайром. Лишь ему доверился царь Трои Приам и указал тайник с подлинной статуей на случай своей гибели. Греки, когда похищение Одиссеем и Диомедом фальшивого палладиума не помогло, пошли на военную хитрость. Они построили деревянного коня, внутри которого спрятались воины во главе с Одиссеем. Сняв осаду города и спалив свой лагерь, греки сделали вид, что уходят: погрузились на корабли и отплыли, но недалеко. Радостные троянцы беспечно открыли ворота города и, высыпав за крепостные стены, увидели чудо – невиданного коня. Они услышали рассказ соглядатая, что конь построен для того, чтобы умиловать богиню Афину за похищение палладиума. Соответствующая надпись на боку коня гласила: «Статуя будет охранять Трою вместо палладиума». Недолго думая, деревянного исполина народ втащил в город. Ночью лазутчики вылезли из коня и открыли ворота греческим войскам. Приама, который молился у алтаря Зевса, убил самолично царь микенский Агамемнон, предводитель захватчиков. Зармайр храбро бился и погиб. Его сын Арам, видя, что город предается огню и разгрому, спас палладиум – забрал его из тайника и унес к армянам.

Века спустя римляне приступили к целенаправленному поиску подлинного палладиума. Их одержимость дала результат. Солдаты легата Фимбрии случайно обнаружили в полой стене развалин Трои третью копию палладиума. Ее доставили в Рим и снова поместили в тайник храма Весты. Пожары в храме случались часто. Однажды статуя так обгорела, что не могла считаться божественным творением, а с Фимбрией случилось странное: он, участник войны с Митридатом, сошел с ума, убил своего начальника, объявил себя командующим, но потом покончил с собой.

Пленного вождя туарегов Тарика под покровом ночи привели в дом Августа. Большой дворец в центре Рима на холме Палатин имел частные владения императора и членов его семьи, а также храмовые и казенные постройки. В подвале здания, где размещался винный погреб, начался допрос туарега. Присутствовал, кроме императора, только Агриппа.

Август носил грубую белую тогу с широкой красной полосой – одежду сенатора, сотканную в домашних условиях женщинами семьи. Блестя светло-голубыми глазами (в них чудилась некая божественная сила, и собеседники императора обычно испытывали неловкость от его взгляда и опускали глаза), пристально смотрел на пленника, закованного в кандалы.

– Принцепс, – Агриппа счел нужным предупредить: – по обычаю этого народа, варвар должен убить того, кто откроет

ему лицо, либо умереть сам.

Август промолчал, продолжая рассматривать необычное синее одеяние туарега, его длинные штаны, завязанные на лодыжках (удобно для верховой езды), сандалии с загнутыми носами (удобно ходить по песку) и белый кожаный пояс, стягивающий талию (удобно носить меч и кинжал). Лицо кочевника, кроме голубых глаз, излучавших уверенность и враждебность, было закрыто платком. Туарег дерзко смотрел на императора.

– Каков наглец! – Агриппа грубо толкнул пленника, и тот упал на колени. – Как смеешь непочтительно смотреть в глаза принцепса?!

– Я Август, ты мой пленник. В моей власти казнить и миловать. Расскажи, что знаешь о палладиуме!

Туарег легко изъяснялся на латинском:

– Величие человека от ума, а не от положения.

Октавиан недобро сощурил глаза:

– Мы, римляне, лучше всего умеем воевать. Туареги и прочие берберы – мои подданные. Вождь, запомни: не скажешь правду, уничтожу тебя и твой народ, даже воспоминания о вас похороню в песках пустыни, как когда-то сровняли с землей Карфаген.

– Высшее проявление божественности Августа не сила, а благодать, – тихо сказал Тарик.

Император хмыкнул, подивившись выдержке кочевника, но не смутился. Он, осторожный, дальновидный и проница-

тельный, уже понял, кто перед ним, и решил как поступить с пленником. Дотронувшись рукой до магического амулета на груди, он, выпрямив спину, напустил на лицо благородное выражение, будто наделен священным даром от рождения и давно обрел подлинные космические знания, стал смотреть на вождя в упор, долго и неотрывно, пытаясь внушить ему трепет и покорность. Из глаз Августа лучились сила, энергия и воля. Любой, кто ловил этот взгляд, начинал верить, что правитель обладает сокровенной тайной, безграничным могуществом, знает нечто такое, что ускользает от разума обычного человека. Некоторые даже впадали в транс.

Сорокалетний, невысокого роста, с редкими и неровными зубами, рыжеватыми с золотым отливом волосами, носом с горбинкой, стройный и безупречно выбритый, император в свете тусклых светильников выглядел как божество, спустившееся на землю. Он, терпеливый и жестокий, избегал пустых фраз, старался четко выражать свои мысли, но больше всего доверял своим гипнотическим способностям.

– Мужское и женское, белое и черное, верх и низ – все едино! – властно произнес он. – Единство противоположностей есть гармония жизни и истинная справедливость... Ты борешься, но одновременно взаимодействуешь... Мы вместе откроем тайну, доверься мне...

Сознание туарега изменилось, взгляд затуманился, казалось, он поверил в божественное воплощение императора и готов принять его неизмеримую мудрость. Закатив глаза,

вождь в синем впал в транс. Магический ритуал начался. Поток энергии вырвался из его мозга.

Август крикнул:

– Сивилла Кумская, ты здесь?!

Сивиллой звали пророчицу и прорицательницу, предрекавшую будущее Риму. Ее изречения – порождение не человеческого ума, а божественного внушения – стали основой книг пророчеств. Однажды под видом старухи Сивилла предложила девять книг римскому царю Тарквинию. Цена была большая, и царь отказался их покупать. Она сожгла три книги, а оставшиеся вновь предложила царю за ту же цену. Он опять отказался, и она сожгла еще три. По совету жрецов Тарквиний все же купил за требуемую цену оставшиеся книги и приказал хранить их в храме Юпитера. Храм сгорел вместе с книгами. Август, придя к власти, официально запретил магию, так как не мог ее контролировать (она угрожала его божественной власти), сжег в Риме все пророческие манускрипты, но тайно стал собирать по всей империи пророчества сивилл, восстанавливая книги.

– Кумская Сивилла, ты с нами?

Пустой глиняный кувшин для вина под названием «ампула» свалился с полки и разбился вдребезги. Август и Агриппа вздрогнули. Устами вождя туарегов Сивилла заговорила:

– Время судьбу вопрошать... Вот бог, вот бог!..

Не теряя времени, уверовав, что связь с богами установлена, принцепс задал первый вопрос:

– Как сломать сопротивление римлян моему правлению, завоевать их доверие?

– Славой покроишь себя, дав надежд ожидания...

– Как покорить душу народа? – снова задал вопрос император.

– Вихрь орлов разметал, символы Рима, позор и печаль зарождая... Пусть возвратятся, гордость в души вселяя...

– Я бог?

– Люди бога увидят, когда палладиум Рим обретет...

– Где палладиум?

– Держит армянский царь в Арташате... Дева Афина дракона родит, город спасая...

Наконец Август задал последний вопрос Сивилле:

– Долго ли я буду править?

– Выйдешь отсюда живым, и дождь золотой над Римом прольется, править до старости будешь...

Октавиан Август вздрогнул, насторожился. Он, внешне спокойный и рассудительный, на самом деле крайне раздражительный, стал впадать в панику. В нервном напряжении, обернувшись, оценивающе взглянул на Агриппу. Тот от услышанного разинул рот. «Он мне предан, опасности не представляет», – подумал принцепс.

Вождь туарегов был уже на грани безумия. Август, положив правую руку ему на голову, произнес:

– Сейчас ты выйдешь из транса. Забудь что было. Три, два, один...

Туарег обмяк, заморгал глазами, судорожно задышал и испуганно посмотрел на римлянина.

– Агриппа, кочевника содержать в тюрьме как моего личного пленника! Разберись, что происходит в доме!

С этими словами Август взял масляную лампу, подошел к большой бочке, открыл в ней потайную дверь и исчез внутри. Агриппа, обнажив меч, бесшумно поднялся по каменным ступеням лестницы. Приоткрыв дверь, он всмотрелся в полумрак помещения, заметив движение теней в атриуме (внутренний световой двор домуса). Беззвучно ступая по каменному полу, он, крадучись, юркнул за статую «Лаокоон и его сыновья» в момент, когда в комнате появились трое с прикрытыми лицами. До него донеслись слова главаря наемных убийц:

– Августа нигде нет! Он прячется, ищите!

Злодеи приступили к поискам, разделив между собой дом: один проверял помещения на первом этаже, второй поднялся наверх, а третий пошел в подвал. Тот, что направился в подвал, получил удар мечом в грудь. Агриппа, придерживая падающее тело, чтобы не наделать шума, опустил его на камни и пошел за следующим заговорщиком. В атриуме свет факелов создавал причудливые блики воды лазурного бассейна. Возникало впечатление, что белые мраморные колонны открытого дворика парят в воздухе. Работал фонтан. В шуме падающих струй шаги Агриппы не были слышны. По лестнице двухэтажного дворца, проверив комнаты наверху,

спускался один из наемников. Меч пронзил ему горло. Проконсул двинулся дальше. В одной из комнат около лалария (место поклонения домашним богам в римском доме) стояли в длинных ночных туниках без рукавов жена Августа Ливия и его дочь Юлия, а перед ними – предводитель наемников с мечом.

– Говорите или умрете! Где принцепс?

Ливия никогда не теряла самообладание. Она легко устраивала скандалы императору и фактически лишь одна имела на него существенное влияние. Даже гипнотический дар принцепса не действовал на нее. Гордо вскинув голову, произнесла:

– Сочувствую. Для тебя будет большим сюрпризом сегодня же потерять голову: измена не прощается.

Юлию, единственного родного ребенка императора, рожденного от брака с другой женщиной, воспитывала Ливия, но дочь проявляла характер. Август как-то бросил: «У меня есть две равноправные дочери – римский народ и Юлия». Девушка без страха смотрела в глаза убийцы:

– Предательство равно бесчестью. И то и другое не стоит полученной выгоды.

Агриппа ринулся в атаку на заговорщика. Услышав гулкие шаги по каменному полу, тот резко обернулся и, встав в боевую стойку, приготовился биться. Рубка мечами началась. Сильный удар Агриппы встретил блок: соперник поставил плоскость лезвия меча на пути удара. Теперь атаковал

наемник: меч также налетел на защиту. Женщины императора и не думали прятаться: с азартом наблюдая за поединком, Ливия кричала:

– Убей его, Агриппа! Отруби ему голову!

Агриппа нанес мощный удар сверху вниз по плечу, задев злодея. Тот, сделав выпад, попытался колющим ударом вонзить меч в соперника. Проконсул защитился, отклонив разящий клинок в сторону. Наемник, паникуя, широко замахал оружием, чтобы отогнать противника, попытаться выиграть время для более выгодной позиции, но Агриппа стремительно пошел в атаку и, как только они сблизились и скрестили клинки, толкнул соперника телом, сбив с ног. Резво поднявшись, злодей побежал. Прыгнув в бассейн для сбора дождевой воды и поднимая массу брызг, он понесся к выходу, Агриппа за ним. Они вновь сразились. Перебежками и прыжками убийца старался увернуться от ударов, но обманный удар, направленный ему в голову, решил исход боя. Агриппа сделал вид, что хочет нанести удар в голову, противник поспешил для защиты поднять меч вверх, но удар пришелся ему по ногам. Злодей рухнул в воду.

Тяжелораненого наемника проконсул, ухватив за одежду, вытащил из бассейна на каменные плиты атрия и сорвал с лица повязку.

– Это Телеф, человек сенатора Фанния Цепиона...

Раздался голос принцепса:

– Люблю измену, но не изменников. – Август подошел

ближе. – Фанний Цепион рьяно отстаивает республику, но не он организатор заговора.

– Убей его, Август! – взвинченная Ливия не могла успокоиться.

– Зачем же... Сначала дознаемся, кто составил заговор.

Глава 4. Как возродить величие Рима

Мятежи и заговоры возникали с завидной регулярностью. Август их своевременно раскрывал или подавлял, в основном по доносам. Новый заговор и покушение были следствием получения принципсом неограниченных полномочий как постоянно избираемому консулу. Традиция и закон позволяли занимать эту должность лишь год. Когда изгнали последнего римского царя Тарквиния Гордого, народ, пожелавший коллективно принимать решения, а также ограничить злоупотребление властью, стал избирать для управления страной коллегию из двух консулов, обладающих высшей гражданской и военной властью, но только на один год. В сенате ярые республиканцы не желали идти ни на какие уступки Августу, поступающему наперекор традициям.

Над Римом бушевала гроза. Потоки воды извергались с неба, ослепительно сверкали молнии, грохотал раскатистый гром. В таблинуме, кабинете Августа, кроме него, находились Ливия, Агриппа и Меценат. Сидели молча. Император кутался в тюленью шкуру, содрогаясь от каждого удара грома. Он, крайне суеверный, испытывал всепоглощающий страх перед грозой, считая, что гром и молнии, посылаемые Юпитером, обязательно поразят его, принесут несчастье в

жизни или поражение в бою. Иногда он даже прятался в погребке, но сегодня, созвав соратников на совет, не начинал даже говорить, ожидая окончания причуд природы. По поверью шкура тюленя могла защитить от молнии, но даже в ней он не решался выйти из дома, понимая, что не все его деяния нравятся богам и никакая защита не спасет от вспышки гнева огорченного Юпитера.

Гроза стихала, император облегченно вздохнул и озабоченно посмотрел на Агриппу. Нарушив молчание, тот произнес:

– Недовольство сенаторов вызывает твое, Август, десятое подряд пребывание в качестве консула. Недовольных много. Шансы получить консульство у аристократов упали вдвое.

Раб разлил по серебряным кубкам вино, Август, выпив немного, успокоился: гнев Юпитера сегодня его миновал.

– Не знаю, помогает ли от молний эта тюленья шкура, но разум подсказывает: спокойствие души сохраняется, когда веришь в лучшее, – сказал он. – О, владей я эгидой из козьей шкуры, мои враги впали бы в панику, а меня не угнетала досада, что кругом предатели!

Эгида – это мифическая накидка из козьей шкуры, обладавшая волшебными защитными свойствами.

– Август, тебе нужна эгида! – воскликнул простосердечный Меценат. – Молния не в силах ее одолеть. Диодор Сицилийский в своем трактате пишет, что Эгидой владеют армяне.

В глазах императора полыхнуло пламя, он странно уставился на друга. Под этим взглядом Меценат виновато опустил глаза.

– Меценат, – Август язвительно процедил, – через свою жену ты сообщил зятю Мурене, что я подозреваю его в измене, и он скрылся.

Авл Мурена был избран консулом вместе с Августом на текущий год. Меценат густо покраснел, но, подняв глаза, с вызовом откликнулся:

– Принцепс, пребывание одного лица в высшей должности десять раз подряд противоречит духу республики. Как друг скажу: твоё правление вызывает недовольство римлян. Чем меньше полномочий, тем долговечнее власть...

– Ты изменил мне, Меценат, – разочарованный взгляд правителя испепелял друга.

– Убей меня, Август! А заодно убей Агриппу, которого ты вознес на неслыханную высоту, и теперь осталось либо женить его на Юлии либо убить.

На лице принцепса появилось замешательство. Остаться в одиночестве против нарастающей угрозы недовольной аристократии и разложившегося плебса – то же самое, что самолично сжечь себя на костре. Он выдавил:

– Претензии не принимаются: любой правитель несовершенен. – Поменяв гнев на милость, примирительно пошутил: – Равенство создает дружбу, а несчастье делает ее прочной... Меценат, ты прощен.

Ливия с обворожительной улыбкой, больше похожей на змеиную, задала вопрос:

– Август, ты же хочешь избежать участи Юлия Цезаря?

Считалось, что Цезаря убили сенаторы за то, что тот узурпировал власть и принимал все больше полномочий и царские почести.

– Милая, я понял о чем ты... Мурену и Цепиона изловят и казнят.

– Не только, дорогой... Если хочешь избежать участи Цезаря, тебе придется пойти на серьезные уступки.

– Что ж, я отказываюсь от должности консула...

Порыв Агриппы, всегда сдержанного, был искренним:

– Нет!

Меценат, чересчур манерный, был эмоционален:

– Люди почитают правителя не потому, что он власть, а потому что заботится о них.

Август царственно обвел глазами присутствующих:

– Решено, я отказываюсь от должности консула, но... – он озорно посмотрел на соратников, – ...получу власть народного трибуна. Пожизненно.

Соратники открыли рот, чтобы возразить, но передумали и промолчали. Народный трибун – это священная неприкосновенность, законодательная инициатива и право вето на любые принимаемые сенатом законы. Придуманно умно: под полным контролем Августа окажется не только огромная армия (он ведь император), но и власть народного трибуна –

защитника угнетаемых плебеев от зарвавшихся патрициев. Совмещение функций, как ни странно, сулит стабильность в государстве.

Прибрать к рукам власть, получив неограниченные полномочия и ключевые должности пожизненно, и чтобы все были довольны – вот главный талант Августа. Да и само прозвище Август, означающее «божественный, священный», милостиво дарованное ему сенатом, должно было убедить людей, что за ним действительно стоят не знающие себе равных силы, что он сын бога. По Риму вдобавок пустили слух, что когда его родной отец, наместник Македонии, спросил жрецов о будущем сына, то пламя от вина, принесенного в жертву священному огню, взметнулось над крышей храма так высоко, что жрецы предрекли: «Он будет править миром!» Цицерон тоже подыграл Августу, заявив во всеуслышание, что он тот самый, чей образ явился ему во сне. Позже Август отплатил за добро: Цицерона казнили.

Но теперь все от него ожидали чуда. Он нуждался в новых идеях.

– Вы самые близкие мне люди, – Август обращался к жене и соратникам. – Граждане могут заблуждаться, верить или не верить, но мой авторитет должен быть бесспорный. Сивилла напророчила много чего. – Взяв пергамент, зачитал: «Славой покроишь себя, дав надежд ожиданья...»

Прозорливая Ливия знала что нужно народу:

– Дорогой, объяви народу: «Нет империи, есть республи-

ка». Пусть верят, что Август восстанавливает республику...

– Прекрасно, Ливия! Восстановленная республика ради благополучия граждан... Хорошая идея! – Август просмотрел свои записи: – А вот еще одно пророчество Сивиллы: «Вихрь орлов разметал, символы Рима, позор и печаль за-рождая; пусть возвратятся, гордость в души вселяя». Что думаете об этом?

– Принцепс! – взгляд Агриппы показал, что он погрузился в знакомый образ. – Полагаю, речь идет об орлах легионов, которые сгинули на Востоке.

Неудачи на Востоке, особенно разгром парфянами легионов Красса, Саксы и Антония, легли черным пятном на репутацию несокрушимых римлян, а потеря римских штандартов стала ужасным бесчестьем для армии и народа. Общественное мнение требовало жестоко отомстить парфянам и вернуть почитаемые святыни.

Август призадумался. Два десятилетия гражданских войн подорвали экономику Рима, а со слабо подготовленной армией нельзя ввязываться в новую войну с Парфией: поражение повлечет крах его власти. С другой стороны, поддержать свой престиж, уже пошатнувшийся, нельзя не вернув орлов. Допустим, все же война... А кто будет командовать армией на Востоке? Сам он не может покинуть Рим, а полководец, вернувшийся с победой, затмит и свергнет его... Непростая задача.

Взвесив все, он осторожно сказал:

– Никогда не начинай войну, если не уверен, что выиграешь больше при победе, чем потеряешь при поражении.

Загрустивший Меценат вдруг продекламировал:

*Боги избрали Рим как свое земное жилище,
Дав главенство ему над миром;
Тебя призывают они: отомсти за вечный позор,
Рим возвеличь и спаси от униженной доли!*

– Браво, Меценат! – Август хлопал в ладоши, впервые улыбнувшись за весь вечер. – Да, возвеличить Рим! Но как? Сивилла напороочила, что дождь золотой над Римом прольется...

Меценат предложил решение:

– Август, объяви о наступлении «золотого века», и неважно, что нарушается хронология. Твое правление – это новая эра!

Новая эра представлялась литераторам и поэтам так: люди и боги живут совместно, окунаясь в сладостное блаженство и безмятежное удовлетворение; нет ни войн, ни болезней, ни голода; все римляне вкушают плоды цивилизации; взошла эпоха спокойствия и процветания. Вергилию и Горацию, своим друзьям-поэтам, Меценат уже заказал пророческие поэмы.

Потомки Ромула, уставшие от ужасов и лишений войн, мечтающие о беспечной и полной всяческих благ жизни,

несомненно, восторженно воспримут веление императора отметить секулярными (столетними) играми наступление «золотого века». Спешите жить и благоденствовать, ибо жизнь циклична: через сто лет грядут жестокие испытания – наступит серебряный век, за ним медный, потом героический и наконец железное столетие (упадок).

Взволнованный Август встал, подошел к Меценату, обнял и поцеловал в лоб:

– Ты гений!

Расправив плечи, принцепс устремил взор в будущее. Избегая открытой монархии, он будет управлять империей, отбирая все больше полномочий у сената и возводя культ своей личности до уровня божества. Неплохо и себя увековечить: один из месяцев года, Секстилий например, называть Августом, как когда-то месяц Квинтилий переименовали в Июль в честь Юлия Цезаря.

Дочь Тигриса Эрато и сын царя Армении по прозвищу Руфус, разговаривая о чем-то веселом, шли по кривым улочками римского квартала, возвращаясь домой. Дважды в неделю Эрато посещала медицинскую школу, и, по требованию главы семейства Тигриса, ее постоянно кто-нибудь сопровождал. Сегодня это был рыжеволосый Руфус. Парень с таким редким цветом волос и черными бровями привлекал всеобщее внимание. В древности, бывало, рыжеволосых приносили в жертву богам, в Риме же рабы с медными волосами сто-

или вдвое дороже.

Девушка старательно посещала все уроки в частной медицинской школе и, несмотря на дорогое обучение, ей это позволяли, так как хорошее образование для будущей матери было возведено в Риме в культ: женщина должна разбираться в медицине, математике, философии, географии и астрономии, чтобы быть хорошим собеседником мужу и правильно воспитать детей. Эрато мечтала связать свою жизнь с врачеванием, и Руфус, шагая рядом, держа под мышкой увесистый медицинский трактат автора-грека (книга из пергаментных листов в деревянном с кожей переплете), говорил:

– Сестра, фактически все научные знания римляне переняли у греков.

– Руфус, это неважно. Мудрость знаний делает не столь извилистым путь к счастью, – сказала Эрато, поправляя полупрозрачный шелковый плащ голубого цвета, накинутый на длинную лиловую тунику с рукавами и множеством складок.

В этот момент из тени забора вышли двое головорезов.

Преступность в Риме процветала. Грабежи, похищения и вымогательства происходили ежедневно, несмотря на то, что преступников все же излавливали и распинали на кресте. Бандиты продолжали терроризировать целые районы, и ходить по улицам было опасно, особенно ночью. Император Август занялся этой проблемой, но быстро решить ее не получалось; защищать себя каждый должен был сам.

Верзила, ослабившись, смотрел на жертву – юную девушку. Его напарник, поджарый вольноотпущенник небольшого роста, вытаскивал из-за пазухи нож и с кривой страшной ухмылкой шел напрямик к Руфусу:

– Ну, рыжий-красный, человек опасный, сейчас проверим, какого цвета у тебя кровь!

Он замахнулся ножом, чтобы нанести удар в сердце юноши. Секунда оцепенения, и Руфус перешел к активным действиям: выставив перед собой толстый греческий фолиант, защитился им как щитом. Нож вонзился в твердую книгу, застряв в ней накрепко. Изо всей силы Руфус оттолкнул злодея вместе с книгой. Тот попятился, пытаясь высвободить застрявший нож, но замешкался. Этого времени юноше хватило, чтобы выхватить скрытно носимый в плаще кинжал и вонзить его в живот злодея. Наличие оружия у плебеев, вольноотпущенников, рабов и чужестранцев в городе считалось преступлением, но ни один армянин не выходил из дома без оружия. Человек в грязном сером плаще рухнул на землю.

Верзила, удерживая одной рукой девушку, другой срывая с нее золотые украшения, резко обернулся; хищная улыбка с его лица сползла. Увидев поверженного подельника, он выхватил из кармана нож и, приставив к лицу оцепеневшей Эрато, заорал:

– Бросай кинжал, иначе изуродую ей лицо, родная мать не узнает!!

Руфус заколебался. Собрав воедино волю, мужество и

энергию, он уже был готов ринуться в драку и уничтожить противника (злость подавила страх), но, осознав, что не успеет (пострадает сестра), стал умирять себя, загоняя эмоции под контроль самообладания. Пылая ненавистью, глядя исподлобья на врага, Руфус все же бросил кинжал к его ногам. В ту же минуту громила, оттолкнув девушку, набросился на него и, сбив с ног, навалился на парня всем телом, занеся нож для удара. Вдруг рука бандита с острым ножом вяло упала, грузное тело обмякло, придавив юношу.

Руфус, отстранив труп, приподнялся на локте и уставился на военного, который только что мечом поразил бандита. Это был римлянин примерно двадцати трех лет, с волосами медно-коричневого цвета, с красивым волевым лицом, выдававшим упрямый и сильный характер, в белой тунике с узкой красной полосой, широким кожаным поясом, мечом гладиус и небольшим красным плащом на плечах. Люди с таким цветом волос своевольны, им чужды запреты и законы общества. Парень, деловито протерев меч об одежду поверженного злодея, вложил его в ножны и, обернувшись, внимательно посмотрел на Эрато. Эффектная, изящная, молодая черноволосая женщина с тонкими чертами лица, четко очерченными губами, со сверкающими карими глазами обворожила его. Их взгляды встретились. Очаровательное мгновение! Его внезапно пронзила божественная искра. Душа заметалась, в груди вспыхнул пожар, в мозгу мелькнула мысль: «Вот он миг счастья!» Не говоря ни слова, воин смотрел

на нее, ощущая к этой женщине магнетическое притяжение, прочувствовав переживания, ранее никогда не испытанные. Наконец придя в себя, произнес:

– С рыжими лучше не связываться... – он с улыбкой смотрел то на нее, то на Руфуса, все еще переживавшего случившийся конфликт. – Я римский гражданин, меня зовут Квинт... Квинт Гатерий. Недавно добровольно вступил в легион, буду служить четыре года военным трибуном. Как раз шел с тренировки на Марсовом поле.

У Эрато возникла необъяснимая симпатия к незнакомцу, щеки залились румянцем, сердце забилося учащенно, движения рук стали неловкими. Появилось желание созерцать этого человека как можно дольше.

– Я должна тебя поблагодарить... – она опустила глаза. – Извини, что не представилась. Меня зовут Эрато, я племянница армянского царя. Если бы не ты, мы бы с братом погибли.

– Меня зовут Руфус, – брат девушки подошел, его переполняло нескрываемое восхищение, он доверчиво смотрел на римского юношу. – Ты спас мне жизнь. Спасибо.

Квинт Гатерий происходил из сенатского рода. Он был старшим сыном в семье, поэтому получил имя отца – Квинта Гатерия, знаменитого оратора, плебейского трибуна и сенатора, а его матерью была сестра Агриппы.

Сердце Гатерия пленила армянка. Он пошутил:

– Там, где преступность чувствует себя вольготно, чест-

ным людям не возбраняется между делом пресекать грабежи. — Увидев улыбки на лицах новых друзей, спросил: — Я провожу вас до дома?

Эрато кивнула, и они втроем двинулись по улочкам Рима.

Гатерий и Эрато стали встречаться. Жизнь молодого человека вдруг перевернулась, мысли об Эрато не покидали ни на минуту. Наконец он встретил родственную душу. Ее внешность, манящий запах, чарующие обертоны голоса завораживали. Восторг переполнял его блаженством, он засыпал и просыпался с мыслью о ней, яркие переживания и истинное чувство привязанности нахлынули с такой силой, что страсть к Эрато овладела всецело, а воля отдалась невыразимому наслаждению. Когда ее не было рядом, он страдал.

Она видела в нем идеальные черты характера мужчины, о котором мечтала, — сильный, надежный, храбрый, умный, ответственный, добрый, спокойный, способный защитить и заботиться, и глубокие чувства к нему зародились в ее душе. Между ними возникла незримая связь. Его внутренний мир, понимание смысла жизни, щедрость души соответствовали ее убеждениям и устремлениям. Она желанная и единственная. Их свело провидение.

Испытывая благоговение, они часто и подолгу гуляли в садах Рима и открывали друг в друге что-то родное, близкое, а прогулки под луной с поцелуями предвкушали будущее упоение счастьем. Между ними возникло волшебное чувство близости, вспыхнула искра любви.

Ночью Августу приснился сон, будто он встретился со своим божественным отцом Юлием Цезарем, величаво восседавшим на троне в образе Юпитера.

– Отец! – Август встает на колени. – Моя цель – подчинить Вселенную римскому народу.

– Август! – гремит голос грозного Юпитера. – Пусть орел терзает когтями земной шар, правь народами к их же благу!

Появляется поэт Гораций:

– Вели, величайший, Августу стать царем над Вселенной; прикажи бриттов, китайцев, парфян и индийцев во славу твою покорить!

Юпитер громогласно возвещает Августу:

– Сын, не дай без отмщенья грабить парфянам!

Гораций призывает императора:

– Август, бог и сын бога, раскайся, не поздно мольбами смягчить гнев громовержца! Святой палладиум сгинул. Вернуть его Весте в храм заповедный участь твоя...

Октавиан Август пробудился от странного ощущения неизбежности. Стояла тишина, слабое дуновение ветра колыхало огонек в медной лампе. Навязчивые мысли охватили принцепса: он должен выполнить волю богов – возродить величие Рима, вернуть в храм Весты палладиум, принудить к подчинению парфян, быть *auctoritas* (влияние, авторитет, власть узурпатора – *лат.*)!

Встав с кровати, он вышел на террасу и обратил взор

к ночному небу. Мириады звезд мерцали на небосводе, загадочно маня к иллюзорным мечтам, но Юпитер, одна из самых ярких звезд небесного купола, достигшая сегодня максимального блеска, убеждала в правоте мыслей. Это Юлий Цезарь, превратившийся в звезду, с небес благословляет его; бог небесный посылает сигналы богу земному. А это что?.. Он увидел появившийся на горизонте Меркурий, окрашенный в ярко-желтый цвет. Меркурий – сын Юпитера, как и он сын Цезаря! Возникла мысль: «Мой великий отец гениален, но я превзойду его своими деяниями, стану властителем мира. Рим всегда процветал за счет покоренных народов, мои декларации о прочном мире – всего лишь риторика. „Трофей Августу“ будет установлен везде, и в первую очередь в Армении и Парфии».

Трофей Августу – это деревянный столб, украшенный доспехами и оружием неприятеля.

Дотронувшись до красного амулета «Узел Исида» на груди, он ощутил учащенное сердцебиение, душа его возликовала, возникло чувство превосходства с непреодолимым желанием действовать немедленно. Он послал за Агриппой. Тот явился быстро, встревоженный и удивленный.

– Мой старый друг, – взбудораженный Август положил руку ему на плечо и вкрадчиво сказал: – хочу поручить тебе дело, с ним не справится никто, кроме тебя, единственного человека, которому доверяю безоговорочно.

– Принцепс, я всегда готов выполнить твой приказ, –

Агриппа все еще не понимал, зачем его внезапно вызвали ночью.

– Вернуть наш престиж на Востоке – твое задание! Пусть Меценат со своими поэтами пишет оды о золотом веке и готовит «золотой дождь», тебе предстоит дело куда более важное – завоевать Восток без войны! Да, сейчас в казне нет денег, армия слаба, родовая аристократия недовольна, но я изменю Рим, установлю новые законы, проведу реформы. Боги не дали мне дар полководца, но у меня есть ты.

– Служить тебе – честь для каждого, кто не боится прихотей судьбы.

– О мой друг, спасибо. Миссия твоя будет тайной, никто не должен ни о чем догадываться.

Агриппа, сорокалетний соратник императора и близкий друг, лучший военачальник, понимая, как непрочна власть Августа, для удержания которой нужны серьезные успехи и нечто большее, чем простая раздача должностей знати и подарков плебсу, был готов ринуться в схватку стремглав.

– Август, говори что делать!

Пройдясь по террасе в задумчивости, принцепс остановился и шепнул ему на ухо:

– Принудить к покорности Армению и Парфию, вернуть палладиум и захваченные парфянами знамена легионов.

Армения с ее чудесами, магией и сокровищами манила Августа. Это царство жило по своим законам, имея формально союзнический договор с Римом, но свою независи-

мость обозначило казнь римских солдат, оставленных Антонием на ее территории. Царь Артавазд, убитый Антонием, был отмщен его сыном. Умный и хитрый Октавиан Август, победив Антония и став полновластным правителем Рима, сумел расширить империю за счет территорий племен на Рейне, Дунае и в Испании, сделал своими провинциями Иудею и Галатию, но не решил главный вопрос – оградить римское государство от смертельной опасности, исходившей с Востока, в частности от армян, которых было много и которые несколько тысяч лет создавали свою цивилизацию. Кроме армянских царств Великая Армения, Малая Армения, Коммагена и Софена, огромное количество армян проживало на Кавказе, в Сирии, Киликии, Галатии...

«С этим нужно что-то делать. Армяне, объединившись, способны противостоять Риму», – эта мысль не давала императору покоя. Все завоевательные походы в Великую Армению для римлян заканчивались либо провалом, либо не достигали стратегических целей, имея незначительные успехи. Римские полководцы Лукулл, Помпей, Красс и Антоний не сумели покорить это государство. Они временно его ослабляли, а оно вновь возрождалось и набирало силу. Но вот в чем беда армян: они избрали для себя добрых языческих богов не в пример Риму, где все боги воинственные и звали благочестивых римских граждан к непрерывным войнам, захватам и обогащению. Август это знал, веря, что рано или поздно Армения покорится.

Палладиум! В этом символе для Октавиана заключена безмерная глубина. В его руках уже сосредоточена власть принцепса, императора, трибуна и проконсула, он достиг всего, чего желал, остался короткий шаг от *auctoritas* до бога, но преобразиться не получалось. Как растворить свою прежнюю личность, чтобы она умерла и родилась заново, как достичь совершенства? Пророчество гласило: «Люди бога увидят, когда палладиум Рим обретет».

– Я хочу получить палладиум, – принцепс жадно вглядывался в глаза Агриппы.

Тот, поддавшись внушению, в смятении воскликнул:

– Царь Арташес удерживает его!

– Да, друг! Пока святыня в Армении, мы не можем завоевать это государство.

Оба прекрасно понимали, что власть царя Арташеса и его влияние усиливаются, он почувствовал вкус к завоеваниям и, развязав войну с Атропатеной, пленил ее царя. Союзный договор с Римом превратился в пустую формальность, независимость царства Великая Армения настораживала.

Принцепс ободряюще похлопал друга по плечу:

– Пусть пока Арташес правит и даже именуется «царь царей». Ему недолго осталось. Уверен, ты найдешь способ решить проблему.

– Август, мне придется урезонить парфян, чтобы вернуть орлов, знамена и воинские знаки, взятые ими как трофеев.

Захват парфянами штандартов и пленение римских сол-

дат считались национальным позором для государства. Не проходило и дня, чтобы какой-нибудь патриот не напоминал принцепсу: «Отомсти ненавистным врагам!» Бронзовая табличка с текстом постановления сената тридцатилетней давности, обязывающая консулов вернуть орлов, как постоянное напоминание об уязвленной национальной гордости была выставлена на Марсовом поле. Принцепс думал: «В храме в честь меня должны появиться реликвии, угодные богам и переданные мне богами. Никто не смог вернуть штандарты, а я смогу, и народ Рима возликует».

– Да, Марк, ты едешь на Восток. Постановление сената о возврате орлов до сих пор не выполнено. Это дает повод знати говорить о моей слабости. Все ждут чуда...

Агриппа встрепенулся:

– У нас есть ценные заложники – дети царя Армении!

– Я верю в тебя, Марк, даже начну возводить храм Марса-мстителя специально для возвращенных орлов. Но учти, официально будет объявлено, что ты наместник в Сирии и готовишь армию к войне на Востоке. Конечно, никто не поверит, но в Риме пустят слух, что причиной отъезда стала наша с тобой ссора: ты обиделся, что в делах предпочтение я отдаю девятнадцатилетнему племяннику Марцеллу, а не тебе. Все и так знают, что ты с ним не ладишь.

– Похоже на позорную ссылку... – насупившись, сказал Агриппа.

– Что ж, пусть так. Реальная причина должна остаться в

тайне, иначе скажут, что я хочу купить успех.

Глава 5. Благородный царь Арташес

II

На огромном полуострове Малая Азия (по-гречески Ана-толия, что означает «восток») располагалось царство Вели-кая Армения. При Тигране II оно достигло наивысшего могу-щества. Время шло, и армянская держава, потеряв захвачен-ные территории – Сирию, Палестину, Финикию, Киликию и Месопотамию, сжалась до своих исторических границ в пре-делах трех озер – Ван, Севан и Умрия, но в умелых руках Ар-ташеса II страна вновь стала усиливаться, взяв под контроль соседние царства – Малую Армению, Софену и Атропатену.

Арташес правил жестко, но справедливо. Он, пятидеся-тилетний армянский царь, имел все основания не доверять Риму. В Армении прекрасно помнили, как римский консул и муж Клеопатры Антоний, пригласив на пир прежнего ца-ря, заковал его в серебряные кандалы и увез в Александрию, чтобы выведать секреты магических превращений и тайну армянских сокровищ. Помнили также, что солдаты Антония под видом сбора дани разграбили страну, похитив реликвию государства – статую богини Анаит из чистого золота, а дети царя, сын Руфус и дочь Эрато, а также брат царя Тигрис с се-мьей оказались в Риме в качестве заложников. И вот теперь к столице царства городу Арташату приближалась диплома-тическая миссия римлян.

– Что они замыслили? – Арташес задал вопрос начальни-

ку своей службы безопасности Баграму.

Не склонный к панике, но скорый на руку, тот ответил:

– Когти орла недостаточно остры, чтобы порвать нас, правда, твое усиление вызывает в Риме ненависть.

Баграм, чье имя означает «счастье любви», сорокалетний честолюбивый и самоуверенный армянин, надежный друг царя, добросовестный служака и обладатель звериного инстинкта самовывживания, был красавцем и волочился за каждой симпатичной женщиной.

Царь прошелся по освещенному солнцем залу, взглянул, как учил отец, в окно на гору Арарат и, получив прозрение, подумал: «Римское государство, стремящееся к мировому могуществу, ослаблено. Ему, занятому подавлением восстаний в Испании и внутренними проблемами, не до Армении». Разведка присылала удивительные донесения. Так, мужчины и женщины одного из испанских племен – кантабры, – отстаивая свою независимость, яростно бились с legionерами и, не желая сдаваться в плен, предпочитали падать на мечи, бросаться в огонь и принимать яд. Удовлетворенный утешительной мыслью, он сел в кресло, и на его мужественном лице возникла презрительная улыбка: «Я сила и знаю как противостоять врагу!» Вслух же сказал:

– Мой отец порвал с демократией и правильно сделал. Народные собрания я не созываю давно, потому что коллективная воля позволяет людям воображать, что во всем виноват царь. Власть должна быть абсолютной. Уважение вызывают

сила и закон, а не обычаи и традиции.

– Ты видишь себя диктатором?

Вопрос задал главный советник царя Грант (имя означает «священная книга»), пятидесятилетний армянский философ и историк. Грант, осторожный и прагматичный человек, не доверял никому и, обучая царя риторике, своей целью видел направление государственной политики царя в русло, благоприятное Армении, вернее, в угоду тех аристократов, которые мечтали о ее доминировании в мире.

– Знаешь, Грант, – царь говорил благосклонно, – происхождение моей власти как верховного правителя Востока божественное. Мой дед на монетах со своим профилем часто чеканил слово «бог». Пусть и меня народ отождествляет как великодушного и справедливого правителя, милосердного спасителя, творящего добро.

– Да, мой канон (властитель – *арм.*)! Божеству, несомненно, подобает иметь титул «царь царей», – Грант поклонился.

Арташес II гордо вскинул голову. Сильный и волевой шатен с непослушными длинными волосами (знак власти и благородного происхождения), он с горящими очами устремил взор в будущее, наверное увидев там уникальную роль своей страны. Армян на свете много, и, благодаря их труду, Армения, имея тысячелетний опыт в соединении интересов людей и стран, в том числе в мировой торговле, виделась ему «воротами» в прекрасный мир процветания и стабильности всего человечества. Использовать власть для построения со-

вершенного миропорядка – что может быть благороднее!

Увидев взгляд мечтателя, Грант укоризненно произнес:

– Конечно, целью «царя царей» является забота о человечестве и его духовном совершенстве, но все же главная задача – избежать зло для своей страны.

Арташес, бросив на него холодный взгляд, изрек:

– Моя цель – сделать достойное великим, а великое полезным.

Санасар, сорокатрехлетний хранитель государственной печати, чье имя означает «сила вечности», подзадоривал государя, зная его любовь упражняться в искусстве риторики:

– Величие – главная идея Рима, а какова национальная идея Армении?

– Санасар, – царь дружелюбно улыбнулся, – Грант мне неоднократно говорил, что мировоззрение римлян основано на долге – гражданском, воинском и религиозном. Мы другие.

– Государь, долг – инструмент, не позволяющий уклониться от обязанностей, он не что иное, как принуждение к поступкам. Вот тебе и формула непобедимости.

Арташес с пафосом сказал:

– Армянский народ самобытный, терпеливый, добродушный и отзывчивый, но, когда требуется, может сплотиться и дать достойный отпор.

– А не лучше ли привить народу римские добродетели: верность, мужество, доблесть?..

Царь посмотрел на него снисходительно:

– Пусть мы для римлян неискушенные варвары, простодушные существа, но в основе национального сознания армян лежит догмат: верность Родине и ее целостность, что предполагает независимость и достоинство.

Римская миссия приближалась к столице царства с севера. Конный отряд со штандартами и значками на копьях возглавлял Лоллий. Великолепный античный город Арташат стоял на живописном мысу, возникшем от слияния рек Аракс и Мецамор, и считался в мире вторым Карфагеном. Располагаясь в Араратской долине у подножья горы Арарат, он имел прекрасные дворцы и храмы, мощные крепостные стены и непревзойденные защитные сооружения, оснащенные хитроумными механизмами и ловушками, и за всю свою историю не был взят штурмом ни одной армией мира. Римские солдаты все же его разворовали: города часто берут не штурмом, а коварством.

Полководец Антоний притворно объявил, что хочет породниться с царем Артаваздом, сосватав за армянскую царевну своего сына (оба дети). Уловка сработала. Артавазд с семьей пришел в его лагерь на пир в честь помолвки, и там, после подписания брачного договора, был арестован, а защитники города, чтобы не дать повод римлянам казнить царя, добровольно открыли городские ворота неприятелю. «Выдающийся» военачальник Антоний приказал отче-

канить серебряные монеты «В честь победы над Арменией».

Царь Арташес II принимал гостя в тронном зале. Он восседал на троне из золота и слоновой кости, отделанном кружевным орнаментом и символами Армении (солнце, дерево жизни, плоды граната, виноградная лоза и орлы). На царя белая длинная туника, подпоясанная золотым поясом, длинная пурпурная накидка, красные сапожки, медальоном «Солнце и Луна» на груди, перстни на пальцах и белая шерстяная лента, повязанная вокруг головы (символ царской власти и предводителя нации). Он думал: «Что уготовано нам богами: мир или война, жизнь или смерть, добро или зло?» Слева-справа от него, сложив руки на груди (восточный жест, означающий полную покорность), стоят цари Атропатены и Софены, рядом Баграм, Санасар и Грант, вокруг царедворцы и родственники. Царица Эрмина с драгоценным венцом на голове встала у трона правителя.

В зал, отделанный причудливым туфом, мрамором и золотом, вошли римляне. Лоллий, легат, лучший друг Агриппы, шел к трону уверенным шагом с выражением лица «восторг лжеца», произвольно выдавая свое лукавство.

Вся жизнь этого сорокадвухлетнего прожигателя жизни — сплошное приключение. Однажды он примкнул к заговорщикам, замыслившим убить Юлия Цезаря, но в убийстве не участвовал. Став легатом Брута, был внесен Антонием и Октавианом в проскрипционные списки (список лиц объявленных вне закона), потерял права и состояние, а в одной

из битв гражданской войны даже попал в плен к Антонию. Притворился рабом, был куплен другом Квинтом Лепидом, но вскоре опознан. Лепид снова спас его от смерти и даже добился помилования. С этого момента Лоллий, ярый сторонник Августа, бьется в Египте против Антония и Клеопатры, а когда растерявшийся Лепид переметнулся к Антонию и попал в плен, Лоллий, пользуясь дружбой с Агриппой, в свою очередь вызволил его. Незаурядные люди Августу нравились: Лоллий и Лепид неожиданно получили должности консулов Рима. Агриппа очень ценил Лоллия, поручая ему самые щекотливые дела, и тот оправдывал доверие. Не так давно он исхитрился превратить царство Галатия в римскую провинцию.

Вместе с легатом позади на шаг шел молодой военный трибун Квинт Гатерий со свитками в руках.

– О царь царей Арташес II, я легат Лоллий, посланник наместника провинции Азия Марка Агриппы. От его имени приветствую тебя! – провозгласил Лоллий красивым баритоном.

То, что римлянин не посланник сената, сразу стало ясно: у него не было тоги с красной полосой и золотого перстня дипломата, а значит, не было полномочий. Одет он был по-военному: короткая бордовая туника, кожаная кираса, имитирующая рельеф мужской мускулатуры, наплечники, красный плащ, поясная портупея, белый шарф и шлем с белым гребнем. Оружие он сдал при входе в зал.

– Приветствую тебя, легат Лоллий! – произнес царь достаточно добродушно. – Передай наместнику Агриппе мои наилучшие пожелания в управлении провинцией.

В словах царя сквозила ирония, но Лоллий, не заметив, выпалил:

– Несложно управлять, когда умеешь подчинять... – Поняв, что сказал лишнего, сделал строгое выражение лица и произнес: – О, я не это хотел сказать! Успех не терпит сомнения... Если великий царь позволит, я изложу цель своего визита.

– Легат Лоллий, слушаю тебя.

Римлянин был красноречив:

– Царь царей Арташес II, ты нашел меру балансирования во всех делах, держишь нейтралитет с сильнейшими государствами мира Римом и Парфией, при этом придерживаешься статуса «друга римского народа». Наша дружба, возносящая твою страну к благоденствию...

– ...дружба, ведущая к подчинению римскому диктату, – перебив легата, спокойно сказал Арташес.

– О великий правитель, твое враждебное отношение к Риму ничем не обоснованно, – бархатный голос Лоллия обволакивал и успокаивал. – Не открою тайну, если скажу, что твой отец царь Артавазд вел тайную переписку с Августом, когда тот еще не был правителем Рима. Мудрые советы Артавазда сыграли важную роль, и император Август очень благодарен Армении за содействие. Жаль, наш друг Артавазд погиб от

руки подлого Антония.

– Лоллий, я всего лишь имел в виду, что мы никогда не будем вассалом Рима.

– Об этом не может быть и речи! Твоя страна уже десять лет бурно развивается, и мы, твои соседи, радуемся этому. Но как друг ты мог бы помочь нам в одном важном предприятии. Агриппа планирует поход в Счастливую Аравию, и твоя помощь была бы кстати.

Счастливая Аравия (античное название южной части Аравийского полуострова), или Arabia Felix, имела плодородные почвы и природные богатства – золото, специи, корицу. Три года назад Август уже отправлял туда военную экспедицию, закончившуюся поражением римских войск.

Армянский властитель заметил:

– У меня хорошие отношения со Счастливой Аравией, торговля оживленная...

– О великий царь, подожди, не принимай решение на ходу, обдумай все. Вот личное послание Агриппы, – легат взял пергаментный свиток у трибуна Гатерия, стоявшего рядом в парадных доспехах и шлеме с красным гребнем, и протянул царскому секретарю. – Я пробуду в твоей столице несколько дней. Позволь встретиться с министрами и военными, и мы найдем обоюдовыгодное решение.

Лоллий с трибуном ушли, а взволнованный царь, посмотрев на своих приближенных, спросил:

– Что скрывает завеса славословия?

Баграм, выпрямившись и приподняв бровь, высказался:

– Довериться льстецу, держащему камень за пазухой, – значит усыпить бдительность.

Грант с лицом, выражающим верность долгу, предостерегающе произнес:

– Лгал римлянин превосходно... Ничуть не верь хвалам, скрывающим коварство, и гони прочь льстецов, задумавших злодейство...

Санасар, хранитель государственной печати Великой Армении, своевольный вельможа, в своих покоях доверительно беседовал с Вахином, управляющим царским двором.

– Нас, самых богатых аристократов Армении, настроенных проримски, все больше. К моим планам по свержению царя Арташеса примкнул начальник стражи дворца, – говорил хранитель.

Вахин, поглядывая на дверь, говорил негромко:

– Новость окрыляет, но все же сторонников маловато. Сил недостаточно, чтобы сместить Арташеса.

– Мы с тобой сами себе цари. Наша неприкосновенность обеспечивается договором с царем. Если захватим дворец, то ста человек будет достаточно, чтобы мятеж изгнал прежнего правителя, – Санасар уже все продумал.

– Я бы действовал по-другому. – Управляющий придвинулся к уху заговорщика: – Пустить слух, что царь повелел отобрать детей у неплательщиков налогов, и восстание

вспыхнет как пламя, а мы его возглавим...

– Ты глуп, Вахинак! – Санасар возмущенно смотрел на не очень умного соратника: – Восстание перерастет в такую смуту, что сметет все, и нас с тобой. Переворот замышляется и совершается наверху, а невежественный народ как стадо баранов загоняется в новую жизнь. Я заставлю повиноваться себе всех в этом царстве, создам династию, а Арташесиды будут уничтожены, и Рим мне поможет...

Вахинак, слушая его, играл в уме свою партию. «Могущественный Санасар, может быть, и ведет переговоры с Римом, мне же это ни к чему, – думал он. – У меня другой план: нейтрализовать Санасара, а одного из рода Арташесидов сделать послушным царем и, получив доступ к сокровищам Армении, править Азией».

В гостевом доме, отведенном для дипломатической миссии, Лоллий, одетый в белую тунику с вышивкой, сидя в кресле, размышлял о прошедшей аудиенции. С царем он был весьма красноречив, в меру вежлив, очень убедителен и достаточно агрессивен. Довольный собой, он решил, что все идет строго по плану. Армяне поняли, что Рим не шутит.

Гатерий прервал его мысли:

– Легат, но Агриппа вовсе не планирует поход в Счастливую Аравию. Зачем мы здесь?

Не без раздражения оторвавшись от раздумий, Лоллий ответил:

– Когда хищник затевает смертельную игру, жертву не должны заботить напрасные мысли.

Прозвучал женский голос:

– Милый юноша, не относись к играм серьезно, иначе сам станешь игрушкой в чужих руках.

В комнату вошла Геката, красивая молодая женщина лет тридцати пяти, с чудными черными волосами, в длинной ниспадающей до пят кремовой тунике с многочисленными складками и закинутым за спину плащом-гиматием из тонкой овечьей шерсти фиолетового цвета. Трибун Гатерий обомлел. В мифологии греков имя Геката принадлежало богине лунного света, связанной с колдовством. Она часто изображалась скульпторами трехликой (управляла тремя стихиями – землей, огнем и воздухом), всегда выходила на охоту по ночам в сопровождении ужасных псов. Ее отцом считался бог Перс – олицетворение разрушения.

Как зачарованный Гатерий смотрел на женщину, а она, подойдя ближе, положила ладонь на лицо юноши (касание его взбудоражило) и стала оценивающе рассматривать правильные черты, затем, нежно погладив по щеке, потянулась поцеловать. Его взор заскользил по ее телу, зрачки сузились, брови приподнялись, у него появилось желание прикоснуться к ней, но вдруг сработал древний инстинкт самосохранения: трибун резко отстранился, взор его стал сдержанным, скулы упрямыми. Наваждение, внушенное колдуньей, рассеялось. Она покровительственно похлопала его по щеке:

– Время исполнения желаний еще не наступило, но у тебя, прекрасный мальчик, все впереди: возможно, счастливое будущее, а, возможно, преждевременная смерть, – ее глаза сверкнули.

Подошел Лоллий, обнял красавицу и пылко поцеловал:

– Геката!.. Ты приехала, я ждал... Гатерий, оставь нас! Сегодня гречанка исполняет мои желания...

Глава 6. Гампр – страж тайника

Баграм шел привычным маршрутом по улочке торговцев ювелирными украшениями, когда увидел Гекату. Не доходя несколько шагов до лавки с золотыми цепочками, он остановился как вкопанный, и стоял, плененный красотой женщины, наслаждаясь созерцанием безупречной фигуры и грациозной осанки. Он любовался длинными, завязанными на затылке в узел черными как смоль волосами, греческим профилем, невысоким лбом, большими, широко открытыми глазами и матовой шелковистой кожей. Волосы, украшенные диадемой с жемчужинами, скромные золотые украшения в ушах и на руках, застежка хитона «фибула» с сапфиром, необычно большая, в форме кинжала, – просто невозможно устоять перед притяжением красоты. Божественна! По его коже побежали мурашки. Какая-то неведомая сила управляла мыслями и чувствами мужчины, он себя больше не контролировал, и эта сила подталкивала к ней. Она тоже проявила к нему интерес: поправила волосы, бросила томный взгляд, как бы говоря: «Тебя ждет щедрая награда и благодарность». Интуиция подсказывала: «Она опасна», но в такой момент человек с завышенной самооценкой не слушает голос интуиции. В голове покоренного гипнотическим обаянием мужчины уже не было ничего рационального.

Взгляды встретились, их потянуло друг к другу, и это

сильное притяжение вызвало у Баграма головокружение, влечение и одержимость. Он подошел. Шаг в безрассудство сделан. Для Гекаты разбить мужское сердце – пара пустяков; ее женская сущность ликовала.

– Очаровательная незнакомка, ты выбираешь украшение? – выбитый из эмоционального равновесия Баграм скользил рассеянным взглядом по ее груди.

– Золото обладает особой магической силой, поэтому выбор труден... – Геката уже не стремилась сохранить бесстрастный вид, ее глаза светились страстью.

– Разреши выбрать мне.

Не слушая возражений, взял с прилавка затейливую золотую цепочку с якорным плетением и, прочитав одобрение в ее карих глазах, надел ей на шею.

Ночью в его доме, насладившись страстью, они бессильно распластались на кровати и лежали, разглядывая в свете масляных ламп черты лица друг друга. Получив невероятные ощущения, Баграм произнес:

– Я сделаю для тебя все, что захочешь, любимая.

Геката, приподнявшись на локте, плавным движением убрала за ухо упавшие на лицо шикарные распущенные волосы и сладко сказала:

– Ты был великолепен. Жаль, наша связь не может продлиться долго.

– Почему?

– Рим идет сюда, скоро война. Город не устоит против разрушительной силы.

Баграм улыбнулся:

– Арташат Риму не по зубам. У нас есть то, что не позволит никому взять город штурмом.

Конечно, он имел в виду непреступные крепостные стены и воду, непрерывно текущую с гор по керамическим трубам и питающую столицу, а также изрядные запасы хлеба и сильную армию, которую побаивались и римляне, и парфяне. Но не только.

– Знаешь, Геката, у нас есть бесценный талисман, оберегающий город...

– И все же я должна уехать. Рим объявил на меня охоту, обвинив в поджоге храма богини Весты. Сгорел палладиум, статуя-оберег Рима, – Геката огорченно смотрела на него.

Хрипловатый голос Баграма прозвучал веско:

– У них ненастоящий палладиум. Истинная статуя хранится здесь, в этом городе.

Геката, удивившись, встрепелулась:

– Ах, если бы я могла взглянуть на нее, убедиться, что ваш палладиум настоящий, я бы стала твоей навсегда!

В венах Баграма бешено пульсировала кровь, его переполняли пылкие чувства, он уже не представлял жизни без нее и, преисполненный обожания, был готов положить сердце к ногам красавицы. Опыанный страстью и вином, он горячо воскликнул:

– Моя любовь к тебе безгранична! Я докажу, что говорю правду, и ты останешься со мной навечно!..

По темным пустынным улочкам Арташата, закутавшись в плащи, они шли к храму богини Нанэ. Баграм, освещая путь факелом, держал возлюбленную за руку, время от времени всматриваясь в гармоничные очертания ее лица: не сон ли это? Они подошли к зданию, окруженному колоннами, и, открыв в боковой стене потайную, известную лишь ему и жрецам, дверь, вошли внутрь, в святилище. Посреди зала на высоком гранитном постаменте стояла монументальная скульптура Нанэ – богини войны, материнства и мудрости, дочери верховного бога-творца Арамазда. В свете факела бронзовая женщина в шлеме, хитоне, с наброшенной на плечо эгидой, казалась живой. Она, сотворенная великим скульптором в полный рост, безмолвно смотрела большими глазами вдаль, держа в руках копье и щит, а у ее ног извивалась каменная змея.

– Потрясающая работа! – с нескрываемы восхищением произнесла Геката, узнав греческую Афину Палладу, богиню мудрости, праведности, войны и стратегии.

Баграм подошел к стене позади изваяния, осветил факелом каменный узор и, нажав на изображение птицы, пьющей из чаши воду, толкнул каменный блок. Образовался узкий проход, в который он увлек свою подругу. В трепещущем свете факела взору открылась крутая лестница. Они спустились в подвальное помещение, остановившись у массивной

дубовой двери.

– Как открыть эту дверь, знают лишь царь, несколько жрецов и я, – похвастался Баграм.

Рядом с дверью на стене висели увесистые старинные ключи – золотые, серебряные и бронзовые, с ручками в виде символов: пара диких муфлонов, пара азиатских львов, два солнечных сокола, два разбегающихся зайца, величавый двуглавый орел, пара нисейских лошадей, пара оскалившихся волков.

– Ключ, отмыкающий эту дверь, здесь, но, если выбрать не тот, попрощайся с жизнью, – Баграм заговорщически посмотрел на спутницу.

– И какой же ключ верный? – с придыханием спросила женщина, оглядываясь по сторонам.

– Что выбрала бы ты?

– Ну, не знаю, наверное, золотых львов...

– Любимая, нет. Каждый день для отпирания двери назначается новый ключ...

Она была заинтригована:

– Ключ от врат смерти или бессмертия?

– Всего лишь ключ, скрывающий тайну, – Баграм изо всех сил старался произвести впечатление. – Вчера был знойный день и гроза... Ничего не приходит на ум?

– О, Баграм, наверное, двуглавый орел?

– Да, любимая!

Взяв бронзовый ключ с двуглавым орлом, символом, за-

имствованным армянами у хеттов, он с лязгом и скрежетом отворил замок и, с силой потянув на себя бронзовую ручку, открыл дверь, пригласив жестом спутницу.

Геката сделала шаг, но внезапно остановилась как вкопанная на пороге слабоосвещенного зала, боясь даже вздохнуть. На нее смотрел, сверкая глазами, страж тайного хранилища громадный армянский пес-волкодав породы гампр, из пасти которого текла слюна. Казалось, жертва будет поражена лишь одним взглядом свирепой собаки. Несомненно, таких псов, агрессивных, с мощными челюстями, с окрасом, как у волка, избирают для хранения сверхъестественной сущности. Жаль, с собой у нее нет лепешки со снотворным, чтобы усыпить этого Цербера, как предписывалось мифом!

– Не бойся, любимая. Аралез, лежать!

Гампр с некоторым запозданием выполнил команду царедворца, продолжая угрожающе смотреть на Гекату. Она, колдунья, преодолев минутную слабость, подошла, протянула руку и так посмотрела в глаза собаки, что та успокоилась и, опустив большую голову на камни, даже разрешила женщине себя погладить. Баграм осознал: Геката непроста, может и удивить.

Он зажег факелом масляные светильники тайного зала. Перед взором вошедших наконец предстала волшебная реликвия. В глубине на черном базальтовом столбе-постаменте стояла древняя резная статуя – небольшая, в три локтя, – фигура богини Афины в доспехах, с копьем и щитом.

Священная статуя с остатками краски, потерявшая, потерявшая от череды веков нарядность и мелкие детали, волей-неволей притягивала внимание своей таинственностью и предчувствием грядущего.

Они остановились вблизи реликвии.

– И от этой фигурки зависит судьба города и его оборона? – Она недоверчиво прищурилась, обращаясь к спутнику: – Но как удостовериться, что палладиум подлинный?

Баграм торжественно объявил:

– Если произнести нужное заклинание, статуя вращает глазами.

– И ты знаешь это заклинание?

– Конечно! – Он подошел ближе к статуе и церемонно сказал: – О Афина Паллада, светлоокая дева, градов защитница, пусть сгинут презренные трусы, подло дерзнувшие великих разгневать богов!

Вдруг глаза статуи задвигались. Медленно переведя взгляд вниз, она начала делать круговые движения серыми глазами по часовой стрелке. Три раза.

– Успех не терпит сомнение... – услышал Баграм фразу, сказанную со вздохом Гекатой.

Его звериный инстинкт сработал с быстротою молнии. Совсем недавно эту поговорку произнес на приеме у царя римский легат Лоллий, а теперь ее повторила Геката. Совпадение? Не может быть! Что-то здесь не так... Он, изумленный, резко обернулся как раз в тот момент, когда женщи-

на занесла кинжал-фибулу для нанесения удара ему в шею. Обеими ладонями, сложенными чашечкой, он захватил наносящую удар руку с кинжалом, но предотвратить порез не смог. Царапина, неглубокая, однако длинная, осталась на его шее. Рывком отстранив захваченную руку Гекаты, он оттолкнул женщину от себя, приготовившись ударить локтем ей в голову, но силы разом оставили его. На кончике кинжала был яд. У Баграма возникли вялость, слабость и головокружение, дрожь охватила конечности. Побледнев, он вяло опустился на каменный пол. Только глаза и несвязная речь выдавали, что он еще жив.

Геката, деловито заложив кинжал-фибулу в застёжку, уничижительно посмотрела на поверженного у ее ног мужчину:

– Благородные поступки часто вознаграждаются болью...

Она подошла к постаменту, протянула руки и с трепетом сняла статую. Ощувив в висках биение пульса, колдунья почувствовала торжество злорадства и прилив восторга. Приблизив палладиум к глазам, она произнесла:

– О Афина Паллада, светлоокая дева, градов защитница, пусть сгинут презренные трусы, подло дерзнувшие великих разгневать богов!

Статуя начала вращать глазами, Гекату же, кроме возникшей на устах победоносной улыбки, распирали самодовольство и превосходство. Сдернув со сломленного мужчины плащ, она принялась заворачивать трофей. Баграм, пре-

возмогая страдания, приподнял голову и из последних сил прохрипел:

– Ктум! (взять – *арм.*)

Аралез неожиданно превратился в лютого зверя со взъерошенной шерстью, хищным оскалом и налитыми кровью глазами. Вскочив и издав низкое рычание, собака, по крови близкая к волку, агрессивная, по существу живое оружие, грозно оскалилась, приготовившись до остервенения защищать хозяина. Геката, прервав возню с фигуркой, попыталась применить свои колдовские чары, но подчинить это неуправляемое животное не получалось. В мозгу колдуньи билась мысль: «Как усмирить, как контролировать собаку?!» Удерживая в одной руке сверток с реликвией, она выставила вторую руку вперед и забормотала заклинание.

Пес кинулся на нее. Мощный и сильный волкодав, обладающий независимым умом, сам выбирающий себе друзей и жертв, готовый задушить льва, тигра или медведя, схватил вытянутую руку женщины у самой кисти и, прокусив насквозь, яростно стиснул зубы. Геката взвыла, выронила сверток, упала на колени, навзрыд заплакала, причитая:

– Не лаять, не рычать, не грызть, не кусать! Иди вой, глаза закрой, бойся меня! Да будет так!

Вдруг хватка гампра ослабла. Открыв пасть, он освободил руку и, продолжая стоять рядом, неотрывно и злобно смотрел на Гекату. Пытаясь совладать со страхом, она потихоньку на коленях поползла к выходу, забыв про паллади-

ум. Пес, часто дыша и высунув язык, стоял как страж, сопровождая взглядом удаляющуюся, совершенно обессиленную и истекающую кровью колдунью, всем суровым видом показывая, что в этом обиталище никому не позволено нарушать древние правила: дозволяется лишь покорность судьбе и ему, гампру.

Геката, утопая в слезах, уползла. Аралез обернулся к обездвиженному воину, в котором едва теплилась жизнь, и, припустившись рядом, стал зализывать его рану. В Армении знают, что гампр, зализывая рану смертельно раненого человека, может его оживить. Баграм открыл глаза и с благодарностью посмотрел на друга.

Глава 7. Армянская головоломка

Вечер выдался на редкость жарким. Заговорщики, краснея и потея не столько от духоты, сколько от волнения и страха, встретились в одном из помещений дворца армянского царя – галерее скульптур: вдоль стен стояли великолепные статуи греческих мастеров. Коллекцию начал собирать еще Тигран II Великий, мудрейший и храбрейший царь своей эпохи. Он привозил из завоевательных походов бронзовые и мраморные изваяния богов и богинь, и это собрание шедевров было предметом зависти большинства правителей Азии. Только Рим мог похвастаться более значительным ареалом искусства, ведь он завоевал Грецию и все страны Средиземноморья.

Единственный светильник бросал призрачный свет на лица конспираторов. Санасар, хранитель государственной печати, стоя у статуи Гермеса, сказал:

– Этот бог, Гермес, – мой покровитель. Он самый изворотливый и хитрый из всех богов.

– Гермеса никто так и не превзошел в воровстве и лукавстве, – подтвердил Вахинак, управляющий царским двором.

Начальник охраны дворца Татул (имя означает «радость отца»), тридцатилетний офицер, которому Баграм слепо доверял, примкнул к заговорщикам недавно. Он произнес:

– Предпочитаю молиться армянскому богу Ваагну: он

сильный, как Геракл.

Санасар прислушался:

– Шаги? Нет, показалось. Я, Татул, тоже почитаю армянских богов. В храме главного бога Арамазда бываю часто, получаю толковые пророчества. Там есть жрец-прорицатель, он устанавливает прямую связь с богом. Последний раз я спросил Арамазда: «Какой я могу внести вклад в процветание Армении?» И знаете, что бог ответил устами прорицателя? Он сказал: «Если будешь решительным, переступишь порог вечности».

Управляющий двором трепетно задрожал:

– О Санасар, бог благоволит тебе... Царем должен быть ты, но Арташес, ненавистный тиран, в здравии... Такое впечатление, что он черпает силы из магических источников.

Санасар достал из кармана камень:

– Вот его магический источник!

На ладони лежал оплавленный, неправильной формы, черный и блестящий камень. Соратники округлившимися от удивления глазами ошеломленно уставились на объект.

Санасар пояснил:

– Этот кусок металла, упавший с неба, умеет омолаживать тело и дарует чувство внутреннего равновесия и гармонии. Как хранителю печати царь доверил его мне и требует приносить каждый раз, когда гневается. Вызывает меня, берет камень, прикладывает к животу, и от сердца сразу отлегает.

Вахинак выразил изумление:

– Чудеса, да и только... То-то что ты молодеешь...

– Да, я полон сил и здоровья, – похвастался Санасар.

– И много у него таких необычных штучек? – поинтересовался Татул.

– Много. Кладовая забита. Одна вещь чудеснее другой. Татул, молись Гермесу и побываешь в подземном мире без последствий.

В подземелье дворца в хранилище чудес прятали много необычных вещей: доспехи неуязвимого в бою воина, бронзовый кинжал с ручкой из рога африканского носорога, способный пронзить любую стену (его как-то обмакнули в драконью кровь), радужный минерал счастья, предотвращающий беду и внушающий оптимизм, драконий перстень, творящий волшебство и придающий человеку невероятную силу, и другие артефакты. От рассказов Санасара у заговорщиков глаза полезли на лоб. Что касается богов, то их было так много, а слухи о чудесах распространялись в Древнем мире так быстро, что человек в каждой конкретной ситуации молился и приносил жертвы определенному божеству, ожидая взаимности.

Хранитель печати обнадежил:

– Всем завладеем мы, если устраним царя Арташеса и других претендентов на престол из династии Арташесидов. Царем должен быть я. Вы слышали что возвестил оракул? Создам новую династию, вас же сделаю самыми могущественными людьми государства. Ты, Вахинак, станешь главным

советником, а ты, Татул, начальником службы безопасности.

– И как мы устраним царя? – Татул быстро сообразил, что быть во главе службы безопасности не только почетно, но полезно и даже выгодно.

Санасар сокрушенно вздохнул:

– В этом-то и загвоздка... Баграм так охраняет царя, что не приблизишься, виночерпий всецело предан государю, а все блюда для государя проверяют профессиональные пробогатели. Но выход есть! – Санасар подмигнул управляющему. – Скоро праздник в честь бога Тира, проводника душ в подземное царство. Вахинак устроит так, чтобы два наемника под видом артистов-фокусников препроводили Арташеса в подземный мир – в подвал. Тут включаешься в работу ты, Татул. Заколешь царя, а труп спрячешь. Объявим, что боги им недовольны, вот и забрали на небеса.

Татул, имевший отчаянный характер, любитель роскоши и развлечений, не дал себя долго уговаривать:

– Убийство – моя профессия, а свои обязанности я исполняю исправно.

В день праздника в честь бога Тира знать Арташата после молебна у храма собралась в дворцовом зале приемов. Царедворцы и богатейшие люди страны с женами, все в изысканных нарядах, стояли вдоль стен, украшенных золотыми щитами и раритетным оружием, редкими доспехами и военными регалиями, бронзовыми статуями и коврами. Всем по-

дали вино в серебряных кубках, и все с нетерпением ожидали царя. Створки дверей наконец открылись, и царь с царицей вошли в зал. Монарх со взглядом, выражающим невозмутимое спокойствие и уверенность в правоте своих убеждений, поддерживая руку супруги Эрмины, прошелся по залу вдоль восхищенных подданных и, одарив их улыбкой, позволил восторженно любоваться царской четой в парадных одеяниях и золотых украшениях. Царь с царицей в картинно ниспадающих мантиях уселись в приготовленные для них кресла, и виночерпий тут же подал им золотые кубки с вином. За спиной Арташеса II встал Баграм, не менее десятка стражников охраняли государя.

Верховный жрец произнес тост:

– Сегодня мы воздаем благодарение богу Тиру, писцу Арамазда. В обители богов Тир ведет запись добрых и злых дел всех здесь присутствующих специально ко дню Страшного суда. Он также записывает повеления Арамазда каждому из нас, и эти записи иногда можно прочесть на лбу человека или на стене, узнав будущее, а подпись бога – стрела. Придет время, мы покинем бrenную землю, и именно Тир препроводит наши души в мир иной. Поднимем кубки с вином, воздадим хвалу богу мудрости и знаний, прорицателю судьбы Тиру и выпьем до дна!

Все подняли кубки и выпили. Вахинак, сделав шаг вперед, объявил:

– В честь праздника свое искусство царю и царице проде-

монстрируют известные иллюзионисты.

В зале приглушили свет, только несколько канделябров подсвечивали импровизированную сцену напротив монаршей четы. Все, подготовившись насладиться зрелищем, негромко переговаривались и жестикулировали.

– Эрмина, – царь шепнул супруге, – ты сегодня ослепительно хороша.

– О государь, – отвечала царица, – рядом с великим человеком ощущаешь потребность соответствовать его ожиданиям.

Появилась девушка в египетском костюме – облегающем калазирисе с открытым плечом и в парике из множества кос. Заиграла восточная музыка, и девушка поманила что-то. На середину зала сам собой выкатился небольшой металлический столик на колесиках с серебряным кувшином и кратером (сосуд для смешивания вина и воды). С благоговейной торжественностью, со словами: «Священная вода не иссякает в этом кувшине никогда», она вылила из кувшина всю воду в кратер и, поставив сосуд на столик, стала двигаться в танце. Снова взяла кувшин, опрокинула над кратером, и опять полилась вода. Вылив все до капли, она вновь поставила кувшин на место и стала танцевать. Фокус был проделан еще пять раз: кувшин магическим образом наполнялся водой.

Иллюзия нескончаемости воды – всего-навсего обман. Кувшин внутри разделен по диагонали на две части метал-

лической перегородкой, не доходящей до дна. Его секретная часть доверху наполнена водой, и жидкость, медленно просачиваясь во вторую половинку сосуда, частично заполняет ее.

Под аплодисменты публики, пораженной «неиссякаемым» кувшином, девушка пошла со сцены, а за ней поехал металлический столик. Вдруг в зале стали мигать разноцветные огни, запахло благовониями, появился белый дым, на сцене вспыхнул синий огонь, и появились два артиста. Самовоспламеняющиеся порошки и бенгальские огни ослепляли вспышками огней красного, зеленого и синего цвета. Туники артистов, покрытые раствором со светящимися бактериями, мистически светились. Когда нет доступа воздуха, эти бактерии невидимы, но в присутствии кислорода они начинают светиться. Человеческие фигуры двигались в загадочном танце, ослепляя присутствующих великолепием блеска и шлейфом ярких искр. Один из танцоров, взяв горящий факел, произнес на непонятном языке заклинание и коснулся огнем стены (для фокуса «артист» заранее на стене нанес химическим составом надпись). Публика ахнула, увидев вспыхнувшую надпись по-гречески: «Забвение поглотит великое», и подпись бога – стрела.

Сердце царя Великой Армении затрепетало, бледность разлилась по его лицу, и, снедаемый беспокойством, он встал со своего кресла и двинулся к стене. Баграм было пошел за ним, но Арташес жестом остановил его, желая самостоя-

тельно уловить смысл пророчества. В одном старинном манускрипте о царе Валтасаре, правителе Вавилона, он как-то прочел об эпизоде, произошедшем более пятисот лет назад. Возникла надпись на стене, и она навела ужас на Валтасара и его приближенных. В ночь взятия Вавилона персидскими войсками Кира в дворце был пир. Никто не беспокоился, ведь город считался неприступным. В разгар веселья на стене появилась начертанная таинственной рукой огненная надпись, предвещающая скорую гибель вавилонскому царю и его царству, и в ту же ночь Валтасар погиб.

Арташес, сбросив путавшуюся в ногах мантию, ступил на сцену и в окружении артистов и вспышек огней подошел к стене, потрясенный угрожающим предсказанием и предчувствием беды. Внезапно один из артистов накинул на него черное покрывало, а другой раскупорил сосуд с углекислым газом. Свечение костюмов вмиг прекратилось, факиров поглотила тьма, они будто исчезли: углекислый газ убил бактерии. Из-под сцены за клубился густой белый дым, заполняя зал.

Невидимые в полутемном и задымленном зале наемники в черных туниках (они теперь не светились) сноровисто за тащили царя через потайную дверь, открытую заранее Вахинаком, в проход к винтовой каменной лестнице, ведущей в подвал, и дверь тут же закрыли и заблокировали изнутри. В зале приемов началась паника, царедворцы и гости с криками и воплями в лихорадочной спешке покидали помещение,

Баграм бросился к тайной двери, но открыть не смог и побежал в тронный зал, где находился другой тайный проход в подвал. Взвинченные слуги зажигали светильники, стража с факелами методично обыскивала темные углы и соседние комнаты, караул перекрыл все входы-выходы из дворца.

Увесистого царя, потерявшего на время сознание (покрывало было пропитано жидкостью с запахом горького миндаля), «артисты», бранясь и путаясь в покрывале и одеждах, с трудом спускали вниз по крутым ступенькам узкой винтовой лестницы. Арташес немного пришел в себя и, почувствовав, что его куда-то несут и что все это не предвещает ничего хорошего, оказал противодействие. Выносливый, физически подготовленный, волевой и решительный, настроенный в любой ситуации преодолевать трудности, он изловчился и с силой ударил ногой одного из похитителей. Тот кубарем скатился по крутой лестнице, пересчитав все ступеньки, получив серьезные травмы и ушибы. Другой наемник, уронив царя, уже искал в складках своей одежды нож (оружие перед представлением стража не выявила по недосмотру).

Арташес, извиваясь, вылез из покрывала и, увидев в свете покачивающейся на сквозняке фонаря, свисающего со свода на цепи, озлобленное лицо убийцы и занесенный нож, вскочил и бросился на злодея, ударив его головой в грудь. Наемник, извергая ругательства, повалился навзничь. Государь, воспользовавшись замешательством, обнажил золотой кинжал и ранил «артиста» в руку. Тот взвыл, выронил нож, но

как загнанный зверь (осталось одно – нападать) в прыжке накинулся на царя, повалил его на ступени и... неожиданно напоролся на золотой кинжал.

Сбросив с себя труп, Арташес встал и, решив, что в зале для приемов наверняка есть сообщники убийц, побежал по ступеням винтовой лестницы вниз, в подвал, чтобы выбраться в другом месте или схорониться в секретной кладовой. Он бежал по сводчатому подземному коридору, но внезапно остановился. Дорогу ему преградил человек в белой алебастровой маске и плаще с накинутым на голову капюшоном. Арташес изготавился к бою. Монарх оценивающим взглядом мерил вооруженного мечом противника, а его золотой кинжал даже в полутемном подвале отливал ярким блеском. Убийца занервничал, явно понимая, что гнев царя закипает и готов выплеснуться на наружу.

Гулко раздались шаги за спиной царя. Приближался Баграм; он кричал:

– Государь, теперь нас двое, надежда на спасение удвоилась!

Татул, прятавший лицо под маской, сообразил: дело проиграно. Когда слишком многим рискуешь, лучший способ избежать худшего – бегство. Арташес, сжимая кинжал, сделал шаг к убийце. Сорвавшись с места, Татул резво побежал прочь, за ним бросились Арташес и Баграм, но за очередным поворотом лабиринта убийца исчез, и след его простыл.

– Оплошал я, государь, – впопыхах обронил Баграм. –

Мой позор длиннее жизни...

Царь, находясь в сильном возбуждении, прохрипел:

– Баграм, я выбрал себе помощников умных и усердных, следовательно, и сам не глуп, но иногда глупость по легкомыслию совершает каждый...

Баграм выразительно смотрел на царя и думал: «Глупость, государь, ты совершил несусветную... Ох, твои поступки для меня остаются по-прежнему загадкой... Жизнь на Армянском нагорье – сплошная головоломка... Каждый день нужно быть в тонусе, проявлять догадливость, тренировать нестандартное мышление». Однако вслух он мягко пожурил царя:

– Согласен, государь. Это по недосмотру...

Властитель снисходительно похлопал воина по плечу:

– О Баграм, кто лишен природной сообразительности, должен полагаться на здравый смысл. Я урок усвоил.

Телохранитель скептически сморщился. Он старается изо всех сил, не спускает глаз с монарха, но однажды самонадеянный царь Арташес II потеряет власть по глупости.

Глава 8. Тайны тьмы на Лесбосе

Агриппа до Сирии не доехал. Он обосновался на острове Лесбос. В Риме циркулировал слух, что император и его военачальник поссорились, Агриппу отправили в ссылку, но только несколько человек знали правду: проконсул решал задачу покорения Армении и Парфии без войны. Август, желая сделать приятное жене Ливии, велел Агриппе лаврами победителя парфян украсить голову Тиберия, ее сына от первого брака, да и Агриппа не должен превзойти по популярности императора.

Остров Лесбос имел выгодное стратегическое положение, позволяя Агриппе осуществлять быстрые связи с Римом и агентами в Арташате и Ктесифоне (малая столица Парфии). Наместник, отослав легатов надзирать за Сирией, неустанно разгадывал запутанную головоломку, отправляя время от времени зашифрованные донесения императору. Морские суда между островом и Римом курсировали регулярно. Митилена, столица острова, большой и красивый город, прорезанный каналами с белоснежными мостами и домами из белого гладкого камня, находилась под римским владычеством. Город процветал, и именно здесь, в дворце тиранов на вершине холма – акрополе – кипела оперативная работа: плелись интриги.

– Жаль, что Геката, покусанная Цербером, вернулась ни

с чем. План не удался, хотя мы были близки к цели, – говорил Лоллий, сидящий в кресле в темно-вишневой тунике с золотым браслетом на правом запястье (наградной знак за заслуги), наигранно держа в руке стеклянный бокал с красным вином.

Агриппа, одетый в белоснежную тунику с широкой пурпурной полосой, сидя в кресле напротив, жадно пил вино и едва сдерживал гнев:

– Лоллий, тебе была поставлена вполне достижимая цель. Ты и твои люди должны были действовать по обстановке и, проникнув в храм, убить собаку. Бросив на произвол судьбы Гекату, ты не только не получил результат, но дал армянам повод заподозрить нас в охоте за талисманом.

– Я виноват, проконсул. Знаю, мне нет оправдания, но есть возможность все исправить. Твой племянник Гатерий приударил за армянской царевной Эрато, той, что в заложниках вместе с отцом в Риме.

Агриппа оценивающе посмотрел на холеный вид собеседника с физиономией плута и подумал: «А что, это может сработать», но вслух сказал:

– Я знаю отца Гатерия, мужа моей сестры. Упрямый и неподкупный сенатор. Сын весь в него.

– Если потребуется, заставлю юнца жениться хоть на ведьме, лишь бы выведал секреты армян. Не выполнит свой долг, пусть пеняет на себя.

Наместник усмехнулся:

– Вызывай из Рима Тигрису с семьей! Армяне сами отдадут палладиум. Не поймут по-хорошему, придется действовать по-плохому. Надеюсь, твой визит в Парфию будет удачнее.

Агриппа встал, легат тоже поднялся и поспешил заверить.

– Я знаю парфян, они своенравны, любят устанавливать собственные правила игры, – Лоллий старался быть убедительным. – Соблазнять непреклонных спахбедов (военачальников) – предков кочевников – бесперспективно, мы ударим по главному ловцу жемчуга – царю Фраату, влюбчивому поклоннику женской красоты.

Агриппа примирительно проронил:

– Только на этот раз не швыряй жемчуг собакам.

Недалеко от военной гавани Митилены находились общественные бани – роскошные римские термы. Человек попадал в сказочно красивые залы, отделанные мрамором, скульптурой и мозаичными полами с подогревом. Сквозь цветные окна проникал солнечный свет и, отражаясь от воды всеми красками радуги, играл на стенах и потолках, создавая удивительные оптические иллюзии. Вошедшему предстояло последовательно пройти ряд комнат: предбанная (раздевалка), теплая, жаркая, парная, а после парной – охлаждающе-ароматическая комната. Тут же рядом – библиотека, спортивный зал, массажная, общий бассейн и обеденные комнаты. В этом центре общественной жизни на греческом

Лесбосе римляне любили проводить полдня, прячась от жары и городской суеты, что их раздражала. Женское время – утро, мужское – день и вечер. Вскоре и Рим обзаведется громадными термами, кстати, благодаря Агриппе и Мecenату.

В бассейне с теплой водой нежилась Геката, расслабляясь и отдыхая. Прикрыв веки, она наслаждалась уединением и бездельем, пытаясь унять боль в руке и успокоить приступ отчаяния, вызванный пережитым потрясением. Ее правая рука, перевязанная льняным бинтом, поднята над водой и дотрагивается до головы, как в прекрасной скульптуре Поликлета «Раненая амазонка», хотя женственностью и красотой форм Геката могла бы затмить бронзовое изваяние.

В зал вошла изящная итальянка, скинула прозрачную накидку и, поглядывая на Гекату, спустилась по мраморной лестнице в бассейн. Ее изысканная красота и грациозность, пышные золотистые волосы и прелестное личико намекали на, возможно, неземное происхождение, не хватало только убора из венков и цветов, иначе можно было бы ее сравнить с наядой – нимфой водного источника, мифологическим божеством природы. Римлянка, фаворитка императора Августа, придвинулась к гречанке и мелодичным голосом произнесла:

– Забавно видеть, как ты плаваешь с высоко поднятой рукой.

Геката открыла глаза, неодобрительно посмотрела на пре-

лестницу и сказала:

– Муза, дело не в том, чтобы быть просто красивой, а в том, чтобы твоя красота сводила с ума и мужчин, и чудовищ.

– О, похоже, чудовище чуть не съело Гекату, а что касается мужчин, то любить тебя – танталовы муки! – итальянка была немилосердной.

– Муза, ослепительная красотка лишь ненадолго способна усыпить мужскую бдительность, но в делах она так же бесполезна, как кувшинка, плавающая на воде, – небрежно произнесла гречанка.

– Посмотрим... – лицо итальянки стало злым. – Через мою красоту власть обретает могущество.

Император Август был без ума от Музы, но, когда Агриппа предложил использовать ее для дипломатической уловки, уступил Музу ему.

– Излишняя самоуверенность подчеркивает глупость, а напускная скромность выпячивает пороки, – сказала Геката и, одной рукой разбрызгивая воду, вышла из бассейна.

Муза смолчала и недобро покосилась на нее. Рабыня набросила на Гекату простынь и, обтерев, повела на массаж. Позже, в обеденной комнате, Геката в легкой тунике, расслабившись в кресле, наслаждалась фруктами и вином. Краем глаза она заметила, что к ней приближается Муза. Не поворачивая головы, гречанка произнесла:

– По шагам узнаю гиену.

Муза, ничего не говоря, взяла со стола кувшин, и на го-

лову соперницы полилось вино. Какое-то время Геката терпеливо сносила унижение, но вдруг вскочила и с быстротой молнии схватила левой рукой итальянку за волосы и, прижав лицо златокудрой красавицы к столешнице, грубо протащила его через весь залитый вином стол, расталкивая глиняные сосуды, бокалы, вазы и фрукты. Потом повалила женщину на пол. Муза вырвалась. Гибкая фигура, кошачьи движения, распущенные золотистые волосы вмиг сделали ее похожей на львицу. Глаза загорелись, она припала к полу и стала подкрадываться к «добыче». Известно, что изящная на вид львица может напасть на добычу, превышающую ее размерами в несколько раз. Издав гортанный выкрик, стремительным прыжком Муза бросилась на Гекату, и женщины сцепились на глазах прибежавших на шум рабынь. Завязалась яростная потасовка, в которую никто не решался вмешаться, чтобы охладить пыл дух львиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.